

ОЛЬГА
ВЕШНЕВА

ТАТЬЯНА
БОРОВСКАЯ

СНЕЖНЫЙ
ТРОФЕЙ
АДМИРАЛА

16+

Ольга Вешнева
Татьяна Боровская
Снежный трофей адмирала
Серия «Космические грани любви»
Серия «Холодные звезды», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66875238
SelfPub; 2022

Аннотация

Заснеженная Москва встретила Снежану огнями зимней суеты. Переехав в большой город в надежде заработать на операцию для больной матери, девушка не ждала приключений. Невероятное стечение обстоятельств превратило ее в единственного хранителя древнего артефакта. К худу или добру? Лансальд – последний бастион на пути кровопролитной войны. Адмирал, готовый стоять до конца за свой народ. Только враг давно готов к решающей битве. Казалось бы, надежды нет, но девушка с огромными испуганными глазами жертвы вселяет светлую веру в сердце хладнокровного воина. Она – ключ к спасению или погибель?

Содержание

Глава 1. Хранитель	4
Глава 2. Последняя надежда	12
Глава 3. Союзник	28
Глава 4. Не тот принц	36
Глава 5. Звездные дорожки ведут в клуб Стазис	44
Глава 6. Магистр	51
Глава 7. Жених	61
Глава 8. Похищение	76
Глава 9. Командир	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ольга Вешнева, Татьяна Боровская Снежный трофей адмирала

Глава 1. Хранитель

Адмирал Лансальд, главнокомандующий военно-космическим флотом Алверийской Империи

Великое множество тайн вселенной сокрыто в глубокой древности. Часть из них будет разгадана с течением лет, но большинство так и останется частичками преданий. Не думал, что с годами начну верить в то, что в юности считал вымыслом. Волшебство... Непостижимая науке сила... Связующая нить историй древних народов и нового века, передающихся из уст в уста, сменяя поколения и годы.

Когда многолетняя война подвела мой некогда мирный и славный народ к самому краю пропасти, я решился пуститься в погоню за невероятной, мифической надеждой на спасение. Стал искать подсказки в древних “магических” книгах, многие тысячелетия пылившихся в музеях. И я нашел важную зацепку, которая изменила мою жизнь.

Одна из древнейших цивилизаций галактики обладала энергетическим оружием невероятной силы, способным

уничтожать целые звездные системы. После того, как было принято решение отказаться от его использования для сохранения мира, ключ его запуска надежно хранили жрецы тайного культа. Они называли себя великими волшебниками и, если верить легендам, творили удивительные чудеса.

Со временем потомки того народа разлетелись по разным планетам. Следы волшебников затерялись в хитросплетениях истории, покрывшись пеленой скрещивания подходящих к размножению рас, и окончательно утратили свой прежний вид. Но спустя долгое время кропотливого труда мне все же удалось разузнать, где скрывается последний служитель культа и хранитель Ключа...

Маленький и хрупкий с виду, но защищенный надежным силовым щитом челнок доставил часть команды флагмана военно-космического флота Алверийской Империи в пустыню засушливой планеты Олоккии к пирамиде-храму Владыки Десяти Ветров. Позолоченные каменные плиты храма сияли в лучах двух звезд, поддерживающих жизнь на планете.

Еще не сойдя с трапа, я с горечью осознал, что враги прибыли на планету раньше нас и уже успели ее покинуть, не заполучив Ключа. Диркены узнали, где искать Хранителя. Пернатый хитрец элкорен, торговец коврами и информацией, продал нашим противникам то, что сообщил мне “по большому секрету”.

Желтовато-зеленая диркенская кровь застыла на огромном камне. Глубокие следы в песке тянулись от пирами-

ды-храма. Туда отряд шел, а обратно бежал. Я представил, как спасаются бегством бойцы рептилоиды. Диркены не получили Ключ и потеряли часть снаряженного на операцию войска. Храм был напичкан тайными смертоносными ловушками.

– Один из редких случаев, когда можем порадоваться тому, что нас опередили. Не хотел бы я оказаться распиленным пополам огромной пилой, – очень высокий, худощавый лейтенант Тайтиллиан, один из моих младших помощников, усмехнулся, нервно подергивая правый ус.

– Они ушли ни с чем, Тайт, – жестом передав командиру отряда штурмовиков, чтобы не входили в храм, я ступил на поверхность планеты.

Сделал несколько шагов, утопая по щиколотку в песке. Внимательно изучал следы. Редкий для здешних мест штиль отлично сохранил их. Да, некоторые из вражеских солдат получили серьезные ранения и потеряли много крови.

– Магистр Ферту покинул планету до прибытия корабля диркенов, – меня догнала Нианаит, наш главный прогнозист и гениальный военный стратег.

Для меня обманчиво хрупкая с виду девушка была просто Нианой, другом детства и юности. Мы вместе поступили в летную академию, но успели пройти лишь первый курс. Началась война с диркенами, и от мирной теории нам быстро пришлось перейти к боевой, кровопролитной и беспощадной в своей жестокости практике.

– Похоже, те, кто избежал храмовых ловушек, спешили в погоню за магистром, – сказал я.

Враги не ожидали, что старик легко ускользнет из-под их приплюснутых широких носов и оставит их разбираться с западней в храме. Неожиданно налетел сильный ветер, заметая все следы чужого вторжения. Негостеприимная пустыня решила показать свой крутой нрав и изгнать еще одних непрошенных визитеров со своей территории.

Придерживая выбившуюся из высокого пучка прядь черных волнистых волос, Ниана показала мне изображение на экране коммуникатора. Старый лерейский транспортный корабль вошел в гиперпространство через третьи врата звездной системы, пока еще контролируемой имперскими войсками.

– Магистр Ферту принадлежит к расе олекемов, – напомнила Ниана. – Хорошая маскировка и удачный тактический ход. По моим предварительным расчетам, он прыгнет в пространственные тоннели еще раза три-четыре. Погуляет по нейтральной территории галактики, чтобы запутать след. Мы можем отправить запросы на предоставление данных гиперврат о последних набранных координатах маршрута. Но неизбежно потеряем время.

– Нужно вернуться на Дашиойн и вновь встретиться с информатором, – я принял сложное и рискованное решение. – Пернатый болтун долгое время дружил с магистром, прислуживал в Храме и может знать, куда направился старик для

укрытия от очередного набега.

– Ланс, посмотри, – Ниана передала мне коммуникатор. – Я открыла сводку происшествий на Дашиойне, а там... – она провела пальцем по сенсорному экрану, и я увидел разбросанные по мостовой кости и перья. – Все, что осталось от осведомителя... Альтерро нашел его быстрее нас и явно решил больше не доверять умным размышлениям информатора с неточными сведениями.

Меня передернуло при мысли о генетически модифицированном чудовище, которого диркены выбрали военным главнокомандующим и которому поручили миссию по нахождению Ключа и его Хранителя.

– Что скажешь, Тайт? – я обратился к заглянувшему через плечо лейтенанту.

Любопытство не по уставу, но простительно в трудные времена.

– Скажу, что у нашего врага был вкусный, сытный и полезный обед, – отчеканил парень.

– Я не могу поверить, что и на это преступление наглой твари не обратит внимания галактическое содружество, – резким движением руки я вернул коммуникатор Ниане.

Девушка взяла устройство и убрала в чехол на поясе. Видимо, по ее мысленным расчетам, в другой раз я его точно швырну куда-нибудь в рассыпчатые пески в порыве гнева.

– Направляю запрос в содружество, но сомневаюсь в получении ответа, – Ниана недовольно поджала губы. – Осведо-

нитель считался изгоем. Ни один клан элкоренов не захочет ходатайствовать о расследовании причин гибели отщепенца.

– Мне нужно было пригласить его на корабль. Отвезти на безопасную планету и спрятать до лучшего дня. Мы совершили непоправимую ошибку.

– Более того, я скажу... – Ниана осторожно коснулась моей руки. – “Правильные” методы работают против нас. Ты мог попытаться информатора. Уверена, тогда получил бы от него больше сведений. Я не говорю о том, что ты должен был оторвать крылья этой болтливой птице. Но перья мог бы выщипать... Теперь он никому ничего не скажет. И мы не знаем, какие важные подсказки получил вражеский командир, прежде чем сожрал пернатую жертву. Еще и забрал двадцать тысяч галактонов, которые ты заплатил за информацию о Ключе.

– Он ими подавится, как и невинными жертвами. Придет время расплаты.

– Вопрос в том, как долго еще нам придется этого времени ждать? И сколько мы продержимся в экстремальных условиях, – Ниана вздохнула, опустила взгляд, и вновь посмотрела мне в глаза. – Подумай, не потому ли Альтерро пока выигрывает, что не ограничивает в действиях себя и подконтрольную армию. Риас не признает правил галактической этики. Причем, его успехи растут сверхгалактическими темпами, а мы сдаем позиции. Вынуждены отступать и терять ресурсы. Но продолжаем следовать заветам великих предков, которые

велели быть справедливыми и милосердными. Многие народы говорят: “На войне все средства хороши”. Но этот неписанный закон вселенной существует не для алверов. Когда мы станем вымирающим народом, загнанным в диркенское рабство, красивые правила не помогут нам выжить.

– Пока остаемся свободным и сильным народом, имеющим реальный шанс на победу в войне, мы не будем пытаться убивать тех, кто нам не враг, – я повысил голос, добавив в него силы и уверенности. – Не станем нападать на технически слаборазвитые миры, захватывать их ради новых ресурсов и загонять жителей в мучительное рабство, как поступают диркены.

Негласно я признавал, что Ниана права. Диркены получили преимущество в войне благодаря преступным методам. Каждый из алверов при отправке на первое сражение дал клятву оставаться справедливым и защищать слабых. Я не хотел разрушать собственную сделку с совестью, но понимал, что если ситуация в ближайшее время не изменится в нашу пользу, то нам придется частично уподобиться ненавистным врагам и начать действовать более жестко и решительно.

Стать похожими на тех безжалостных существ, которые не щадят ни своих, ни чужих. После первой линьки диркенский молодняк отправляется на войну. Фактически они жертвуют своими детьми, своим будущим, своей надеждой. Быстрое размножение позволяет им компенсировать потери,

но... Алверы взрослеют минимум шестнадцать лет, не шесть месяцев, и полностью взрослыми считаются после двадцати лет.

Я пошел воевать едва смог считаться номинально взрослым. Совсем юнцом вышел на поле боя и взял в руки оружие. Прошел трудный путь, стал четырежды героем империи. Мне скоро тридцать, и мало кто из знакомых ровесников еще жив. Четырнадцать лет бесконечного кровопролития – немалый срок. А война все не заканчивается... Вот поэтому я уже готов поверить в самое нереальное с логической точки зрения выход.

Мне нужен Ключ, чтобы спасти мой народ!

Глава 2. Последняя надежда

Снежана

Существует ли на свете чувство тяжелее, чем душевная боль от потери близкого человека? Когда есть хоть малюсенький шанс не допустить трагедии, человек крепко-накрепко цепляется за ту соломинку. Из простого обывателя он превращается в бесстрашного неустоимого героя. Расстаться с привычным укладом жизни – легко! Не покладая рук, работать сутки напролет – пожалуйста! Главное, чтобы изнурительный труд принес плоды...

Я сидела на старинной лавке возле большой русской печи и ерзала как на морозе. Не чувствовала приятного тепла. Меня пробирал нервный озноб. Автобус давно уже пришел согласно расписанию, а мамы все нет. Не выдайся декабрь в наших краях таким снежным, я могла бы забрать ее из городской больницы на стареньком Жигуленке – отцовском наследстве.

Но зимы у нас за Уралом обычно суровые, никак не дойдет до нас обещанное синоптиками глобальное потепление, так и современные блага цивилизации в нашу деревню Большие Улитки не торопятся. Газ провести областные чиновники который год обещают. Электричество здесь тоже величина непостоянная. Случись сильная гроза, ураган, или какая авария, то не один день придется ждать, пока там все линии

починят и долгожданный свет дадут. Чтобы до нас добраться из райцентра, нужно долго ехать по ухабистой дороге вдоль большой реки, а весной, в половодье, когда та река выйдет из берегов, и вовсе разве что на вертолете и можно долететь. Да только кому летать, кроме пожарных, у которых база в райцентре? Хорошо хоть в самые трудные времена и они выручают, доставляют жителям отрезанных от большого мира деревень и сел продукты и все самое необходимое для жизни. Так что у нас, в Больших Улитках, корова – настоящая кормилица, а тыква в огороде – не простое украшение двора. Без подворья и не выжить.

Снегопад в наших краях может превратиться в настоящее стихийное бедствие, после которого дальше собственного крыльца не пройдешь. Еще надо хорошо потрудиться, чтобы расчистить садовые дорожки.

Так и вчера метель разбушевалась не на шутку. Утром дороги расчистили трактором, а к вечеру, как назло, вновь намело сугробы по колено. И сегодня снегопад не прекращался с обеда, завывая оглушительной сиреной за окнами. Черный кот Васька первым услышал звук тихих шагов. Спрыгнул с печи, подбежал к двери и поскреб лапой, чтобы я выпустила его в прихожую.

Вслед за котом вышла я из самой большой и теплой комнаты в доме, но входную дверь открыть не успела. Мама, пригнувшись, шагнула в дом, вся запорошенная снегом с головы до ног. Я поспешила помочь ей снять пуховую шаль, старое

стеганое пальто и теплые сапоги.

– Ну что ты, дочка. Я пока сама могу о себе позаботиться. Не суетись, – только отмахивалась она.

– Давай рассказывай. Что врач говорил? Когда на операцию положат? Надеюсь, скоро. Не молчи, пожалуйста. Я вся как на иголках... Ой! Забыла принести тебе горячего чая с такого мороза.

Я помогла маме устроиться возле печки, принесла теплый платок с бахромой и пару пышных подушек на гусином перу. Не отпустила ее саму за чаем. Пусть отдохнет с дороги. Ей нужно беречь силы и не перетруждаться.

– погоди, – мама придержала меня за руку.

Я вздрогнула от прикосновения ее непривычно холодных и огрубевших пальцев. За месяцы тяжелой болезни мама сильно исхудала, можно сказать – высохла. Лицо ее осунулось и побледнело. Морозный румянец – и тот надолго не задерживался на ввалившихся щеках. Мне было больно видеть ее такой. Но в который раз собрав силу воли и дав себе установку не плакать, я оглянулась и посмотрела в ее печальные усталые глаза. Повинуясь маминому желанию, присела рядом на лавку. Скрепя сердце, приготовилась выслушать, что сказал ее лечащий врач.

– Все оказалось хуже, чем Илья Андреевич считал до нового обследования, – мама тяжело вздохнула и отвела взгляд. – Опухоль быстро растет. Операцию в обычной больнице я могу не пережить. Или меня парализует и останусь

на всю жизнь прикованной к постели, что еще хуже. Не хочу стать для тебя обузой. Мне и так стыдно, что не успеваю помогать по хозяйству, как прежде.

– Я и сама справляюсь! О чем ты говоришь? Не может быть, чтобы в наше время не осталось ни единого шанса победить болезнь. Наука не стоит на месте. Тебе просто нужно найти опытного врача, который использует самые последние методы лечения.

– Илья Андреевич предложил мне лучший способ лечения. Он сказал, один врач в нашей стране может спасти меня. Рубен Погосян. У него на счету десятки подобных операций, и все пациенты выздоровели. В его клинике лучшее и самое новейшее оборудование. Илья Андреевич выписал мне туда направление. Попросил принять вне очереди. Сказал, что нельзя медлить с операцией. Вопрос жизни и смерти.

– Это ведь тот самый известный хирург Погосян, который часто выступает по телевизору? Уверена, он тебя спасет. Ничего не бойся. Ложись на операцию, и все будет хорошо.

– Операция не бесплатная, – мама еще тяжелее вздохнула и вновь стыдливо спрятала взгляд.

– Мы продадим кур, возьмем в долг у дяди Пети, – я начала считать в уме возможную прибыль. – Мне директор магазина обещал небольшую премию к новому году. Но главная надежда на пеструю свинью. Если она скоро разродится и принесет много поросят...

– Увы, Снегурочка моя. На свинью нет никакой надеж-

ды... Вот, посмотри. Только пообещай обойтись без слез, – мама достала из сумочки сложенный вчетверо маленький листок бумаги, развернула у себя на коленях и показала мне. – Врач написал сумму. Столько денег нужно на операцию и стационарное лечение в клинике Погосяна.

– Почти миллион!

– Вот именно. Где их возьмем, еще и до середины января? Ну представь, мы продадим дом и останемся на улице. Так еще найдем ли покупателя? Из деревни народ уезжает, а сюда никто не рвется. Машину повезет если на запчасти примут. Врач сказал, берите кредит. Как будто банк так сразу одобрит заявку на большую сумму при твоей мизерной по его меркам зарплате. Я и вовсе без работы. И то – чем нам отдавать кредит. Банк проценты накрутит – ой-ой.

Я встала и подошла к окну. Борясь с желанием самым позорным образом разрыдаться, уставилась в окно на красивый чистый снег. Вдали светились редкие окошки. Часть домов пустовала, и многие оставшиеся, где живут старики, опустеют с годами. А ведь когда-то в нашей деревне был большой колхоз с коровниками, свиноманником и птичником. Возделывались поля, на них сажали пшеницу, рожь, кукурузу, картошку и капусту. Но в девяностые года все это крепкое хозяйство развалилось и пришло в упадок. С тех пор колхозные постройки разрушились, поля травой поросли. Многие жители уехали в города на заработки, да так там и осели.

Мама преподавала русский язык и литературу в младших

классах сельской школы, которую совсем недавно закрыли. В наших Больших Улитках и ближайших деревнях почти не осталось детей. Учить стало некого. Мама в шутку говорила, что мы с ней самые стойкие и медлительные улитки, потому что пока не уползли из родного места.

– Поеду в Москву, – обернувшись, решительно заявила я. – Устроюсь там на работу. С приличной зарплатой мне дадут кредит, и я смогу его выплатить.

– Ты не представляешь, каково это – жить в большом городе, – мама всплеснула руками. – Непутевая Катька Щукина нигде не пропадет. Точнее, где она только не пропадала. А тебя, моя радость, мне страшно представить одну в Москве. Нет, не могу я тебя отпустить туда, это же почти за тысячу километров отсюда. А столько там всяких опасностей, сама видела в новостях! Убийства, грабежи! Жуть! Не хочу, чтобы ты попала в какую-нибудь некрасивую историю. Ты же и жизни за чертой нашей деревни не знаешь, куда тебе в столицу.

– Мам, не волнуйся. Я обещаю держаться подальше от подозрительных личностей, плохих компаний и темных мест. Все будет хорошо, я найду способ со всем разобраться и достать денег на операцию.

– Все равно, не хочу тебя отпускать одну в такую даль. Эх, лучше бы ты вышла замуж за нормального парня и с детками уже нянчилась, чем со мной. Не так было бы мне страшно помирать, зная, что скоро внук или внучка родится.

– Ну разве что встречу столичного принца – интеллигента с белозубой улыбкой, – я усмехнулась, сама не веря сказанному, и добавила серьезнее. – А помирать тебе слишком рано. Еще жить и жить.

– За принцами гоняться – дело пустое. Чем Колька тебе нехорош? Он по тебе сколько лет тоскует? А ты его на порог не пускаешь. Почему? Давно бы пристроенная была, а не в девках сидела. Вот дождешься, и последние разбегутся.

– Как будто не знаешь? – уперев руки в бока, звонко фыркнула я. – Пьет твой Колька, как последняя свинья. А как глаза зальет, так с забором идет драться. Где тот забор, а где жена и дети? Год, два и как Клавка ходить мне в черных очках в самый разгар зимы и говорить всем, что дворцу не закрыла. Уж лучше поехать в Москву на заработки, чем такая женская доля!

Я отвернулась, обиженная тем, что мама вновь затянула старую и надоевшую до зубного скрежета песнь о том, что негоже в моем возрасте о деньгах думать. Все детишек к тому времени нянчат, одна я неприкаянная. И так настроение хуже некуда, так она еще масла в огонь подлила.

– Выпивает маленько, спору нет, – признала мама, и тут же, как обычно, принялась считать “лучшие качества” жениха. – Да, кто же в деревне и не примет стопку на грудь для согрева? Но зато работает в райцентре и домой является как штык, а не с мужиками в баню. А еще Колька тихий, даже под мухой не бужит, забор – он все выдержит.

– Сегодня тихий. Завтра – буйный. Не то же самое разве, вспомни, стало с моим отцом? Еще скажи, он дрался, когда ты замуж за него выходила, – я погладила прыгнувшего на подоконник черного кота, успокаивая нервы.

– Твоя правда, – мама уныло опустила голову, воспоминания об отце в нашем доме давно стали запретной темой.

О покойниках говорят либо хорошо, либо ничего, а мы хорошего и припомнить не могли. Папой я называла его в раннем детстве, и то со слов матушки. А лет с пяти звала только нейтрально и недоверчиво – отец. Порой чужой дядя относится лучше, чем мой близкий и родной человек. Примерно в то время он потерял работу и вконец спился. Больше десяти лет минуло, как отца не стало, а меня по-прежнему дрожь пробирает, стоит вспомнить его злую опухшую сизую рожу с очередного недельного запоя.

Маму он лупил нещадно. Меня она прятала и защищала как могла, и то иногда прилетало. Деться от домашнего мучителя нам было некуда, учитывая, что у бабушки и дедушки полон дом взрослого люда и малышни. Они приглашали пожить хоть на время, но мама не хотела еще сильнее стеснять родню. Избавление пришло неожиданно-негаданно. Жарким летом полез отец пьяным купаться в речку, да так и потонул, забрал его известный своим коварством омут.

Вот по этой причине и боялась я замужества, пуще любой напасти. Если хорошенько подумать, то за кого выходить? Все толковые парни сразу после школы уехали в большие го-

рода и там женились, а теперь они своих детей летом привозят на каникулы к бабушкам и дедушкам. Остались лодыри да выпивохи, от которых толку мало на хозяйстве. Больше горя с таким под боком накличешь, чем радости найдешь. Что есть мужик в семье, что нет его, а чаще – лучше бы и не сажать себе ярмо на шею.

Мама все корила меня за привередливость. Думаю, она уже сама сто раз пожалела о том, что привила мне любовь к чтению. В отличие от других девчонок, я с детства привыкла проводить вечера в компании не ребят, а любимых книг. У нас в доме целая комната была отведена под домашнюю библиотеку. На полках добротного старинного шкафа под стеклом хранились собрания сочинений классиков русской и мировой литературы. И так впечатлили меня те книжные образы аристократов с изысканными манерами, верных, честных и доблестных, что всех встречных парней я невольно сравнивала с этими призрачными миражами, и, понятное дело, сравнение это выходило не в пользу реальных людей. Не счесть, сколько раз я себя убеждала в том, что давно уже нет на всем земном шаре таких благородных господ, да и в галантные века не так уж и много их было в жизни, как на страницах романов. Да вот напрасными были все мои жалкие попытки победить красивые мечты и примириться с неприглядной реальностью. Словно в издевку снились мне пышные балы и статные офицеры. А уютными вечерами, когда по всей деревне опять не было света, и я сидела, пере-

читывая любимую книгу при свечах, казалось, что стерлись границы времени, старые часы с кукушкой отсчитали сто лет назад и вот-вот в дверь кто-то постучится. Я открою ее и увижу красивого благородного офицера. Он отвесит мне поклон, приложит руку к своей груди и скажет приятным трезвым голосом:

– Давно я в вас влюблен, прекрасная Снежана! Но все никак не мог собраться с духом, чтобы предстать пред вашими светлыми очами. И вот я здесь, скромно стою у порога. Молю вашу милость о том, чтобы не прогнали прочь, а приняли мое искреннее предложение. Ответьте, не томите израненное страстными терзаниями сердце бравого гусара... Согласны ли вы стать моей женой?

Стоило маме на следующее утро проговориться подруге Любе о страшно дорогой операции и моем глупом, по ее мнению, желании поехать в Москву, как понеслась новость по деревне. Главной разносчицей стала мать Любы, сельская староста Зинаида Семеновна. Если уж эта бойкая старушка что где услышала, о том вся округа за день узнает. На сей раз старосте было не до сплетен. Дело-то нешуточное. Надо помочь уважаемой учительнице, оказавшейся в поистине бедственном положении. Не спросив маминого на то разрешения, Семеновна организовала сбор средств на ее лечение в дорогущей клинике.

К часу дня, когда я заскочила домой на обед из магазина, где работала продавцом-кассиром, жители Больших Улиток

по давней привычке его называли Сельпо, то удивилась новостям таким. Я спешила проведать маму. Меня сильно беспокоило, что у нее все чаще случались головокружения. Переживала, как бы она не упала и не ушиблась, совсем плоха стала. Просила ее быть осторожнее и оставаться дома, а мама не слушалась. То во двор пойдет кур кормить, то свиней проведать. Дома говорила, не могу сидеть – света белого не видеть.

Едва я ступила за калитку, как услышала шум женских и мужских голосов. Вошла в большую комнату, а там уж собралась целая делегация: Семеновна с двумя подругами, почтальон, бывший председатель колхоза, три совсем старенькие бабульки, прислуживающие в церкви, тракторист, ответственный за уборку дорог в нашей и ближайшей деревнях, и оказавшаяся в Больших Улитках проездом неизвестно чья молодая родственница, которую бойкая староста изловила на деревенской околице.

– Я всем верну. Не беспокойтесь, – приговаривала мама, стыдясь принимать деньги, которые настойчиво ей передавали пришедшие в дом люди. – Мы с дочкой скоро продадим поросят от пестрой свиньи. А там и белая свинья должна принести. Ни перед кем в долгу не останемся.

– Продай-ка ты мне, Марья Васильевна, пяток белых курей, – потянула маму за рукав Семеновна. – За каждую курицу заплачу как за десять. В счет пожертвования. Ну-ка пойдем вместе выбирать.

Не успели они подойти к двери, как ураганом ворвалась в большую комнату “непутевая” Катька Щукина. Вся расфуфыренная, в короткой розовой куртке – удивительно, как она в ней поясицу не отморозила. Облегающие джинсы были заправлены в высокие сапоги. Хотя ноги в тепле, и то ладно.

– Смотрите, дорогие мои, – Семеновна уперлась руками в крутые бока, встав перед Катькой. – Прилетела бабочка ночная. Тебя кто звал в дом приличных людей? А ну порхай отсюдова.

– Не ваше дело, куда я хожу, – огрызнулась Катька. – Мне надо внести вклад в благотворительность. Марья Васильевна меня жалела? Жалела! Вместо двоек мне тройки ставила? Ставила! Все, я хочу ее поблагодарить с полочки.

Вручив маме деньги, Катька схватила меня под локоть.

– Давно мы с одноклассницей моей дорогой не виделись. Надо поболтать о том, о сем, – усмехнулась она и потянула меня за руку.

Вытащив меня на улицу, Катька достала из кармана кулек семечек и принялась их щелкать.

– Говорят, Жанка, ты собралась ехать в столицу? Вот что я скажу. Зачем тебе в такую даль переться? Езжай в райцентр и встань на трассу. Я там начинала карьеру. Да, противно с непривычки. Но ты в голове держи, что деньги не пахнут... Потные дальнобои воняют иной раз как старые козлы. А ничего не поделать. Придется терпеть и пореже дышать. Мой совет...

– Не могу я как ты. Не для меня это, – перебив Катьку, я повернула обратно к дому.

– Тоже мне... брезгливая недотрога! – одноклассница чуть не плюнула мне кожанкой от семечка в лицо. – Жизнь матери дороже твоей никчемной гордости. Думаешь, деревенские соберут лимон? Сколько бы не принесли, все равно не хватит. Так что у тебя путь один – на трассу.

– Брысь, беспутная, – Семеновна примчалась меня спасать от дурной компании. – Ты чему порядочную девку навчаешь? Иди уже к своим вечно пьяным родителям, позор всей деревни.

Я вернулась домой. Постояла в уголке, послушала разговоры. Собранных денег, как и говорила Катька, оказалось мало. Где взять еще? Неужели придется торговать собой? Страшно и противно представить себя в объятиях незнакомого мужика, но я должна спасти маму. Да и Катьку по-настоящему осуждать у меня не получилось, все же она была единственной кормилицей в семье, а у нее младший брат еще подрастал. Пьяницы родители не могли обеспечить ребенка.

– Раз он мировое светило, почему жадничает? Не хочет одну операцию провести бесплатно, если у человека нет денег. Мог бы помочь, – говорил почтальон о докторе Погосяне.

– Не знаешь ты, Никитич, богачей, – сказала ему Семеновна. – У них каждый рубль на счету. Они за ломаный грош удавятся, жадюги. А у того дохтура на шее двое бестолковых

обормотов сидят. Взрослые сын и дочь. Тянут из него все соки на гульбу по клубам и всякие столичные непотребства. Обвешаны что новогодние елки, видела их по телевизору.

– Поеду в Москву. И не возражайте, – отважно заявила я, выйдя на середину комнаты.

– А пущай едет, – неожиданно ласково улыбнулась Семеновна. – Только мы должны пристроить нашу Снежаночку в надежные руки. Самой по себе не найти ей хорошей работы. Нужна рекомендация... Вовремя вспомнила, у моей старшей дочери свекровь – мировая баба. Знаете все, какая редкость, когда со свекровью можно поговорить по душам. У нее, кажется, есть племянница или тетка. Да, точно тетка... Или дядька? Нет, старший троюродный брат. А у жены брата – две тетки. У младшей из них дочь уехала в Москву. Давненько, еще в том году, когда мужики за малиновый пиджак были готовы душу продать. Помните, Валерка Рябов намазал старый пиджак свекловичным рассолом, нацепил на шею цепь для ворот и говорил: “Смотрите, бабоньки, какой я крутой”?

– Помним, Семеновна. Ты, главное, не забудь, на чем оставилась, – предостерегла моя мама.

– Ах, я уже и потеряла все ниточки. Так, о ком я говорила, Васильевна?

– О дочери тетки чьего-то старшего брата, которая уехала в Москву.

– Да, правда ж. Спасибо за подсказку, Васильевна. Та доч-

ка в Москве, надо сказать, крепко встала на ноги. Держит частное заведение, уважаемое и солидное. Не как шашлычная или пивнушка. Там продают пирожные в красивых бумажных обертках и разные сладости. Слышала, у нее работница ушла в декрет, вот она ищет на время замену. Мы к ней Снежаночку направим. Что скажете, друзья односельчане?

– Единогласно “За”, – глас народа выразил почтальон.

– Если мою дочку не дадут в обиду, и я не стану возражать. Решила ехать – пусть так и будет. Не знаю, как тебя отблагодарить, Семеновна!

Мама встала со стула и приобняла широкую не только в плечах старосту.

– Твое выздоровление, Васильевна, станет для меня лучшей благодарностью, – ответила Семеновна. – Пока Снежаночка поживет в столице, я буду приходить к тебе каждый день и помогать по хозяйству.

Гости дружно захлопали в ладоши. Меня вывели в круг, поздравляли с выгодной работой. Семеновна тем временем позвонила своей дочери, а та через десятую родню достучалась до живущей в Москве хозяйки маленькой пекарни, которая согласилась принять меня на работу. По случаю радостного известия нам с мамой пришлось накрыть на стол. Скромненько из-за вынужденной экономии, но сытно, чтобы никто из гостей не ушел домой недовольным.

Той ночью я долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок. мечтая о Москве. Впереди меня ждал долгий путь, толь-

ко на поезде до столицы ехать больше суток, и до вокзала еще добраться надо. Хотелось поскорее увидеть необыкновенно красивый город. Кто знает, вдруг меня, как в старинном романе, ждет в столице встреча с благородным галантным красавцем?

Глава 3. Союзник

Лансальд

Поднявшись на капитанский мостик, я внимательно вчитался в доклад с обобщенными данными. Меня не радовали сведения касательно текущей ситуации в родной системе Таир-Элькор, основу жизни в которой поддерживала двойная звезда. Сравнительно недавно, меньше семидесяти лет назад – ничтожного временного отрезка для вселенского масштаба, Алверийская Империя неоспоримо властвовала в трех звездных системах.

Две из них мы уже потеряли в изнурительной, слишком уж затянувшейся войне с диркенами. Она длилась с перерывами – перемириями больше столетия и прекращаться пока не собиралась. Это угнетающее чувство тревоги проникало под кожу и раздражало рецепторы. Словно наши дни уже были сочтены, и от великой империи вскоре останется только недописанная страница истории.

Мне трудно судить о том, где именно наши предки допустили стратегическую ошибку, ставшую роковой для всей нашей нации. На эту тему до сих пор не утихают горячие дискуссии во властных кругах и среди простого народа. В конечном итоге все споры сводятся к одному выводу: алверы недооценили соперников, не разглядели могучего врага под непроницаемой чешуйчатой маской. В каменных выражении-

ях диркенских лиц — темно-желтых, с зелеными пятнами на лбу и щеках, не разглядеть и тени эмоций.

Наши предки отнеслись с опрометчивым спокойствием к тому, что возле условной космической границы империи поселился многочисленный чужой народ. Правление галактического содружества позволило вынужденным переселенцам занять и приспособить для жизни планеты нейтрального пояса. Но главную роль, безусловно, сыграло решающее слово тогдашнего алверийского императора. Диркены долго скитались по космическим просторам, вынужденные покинуть родную звездную систему, поглощаемую черной дырой. Принимая во внимание их многолетние бедствия, мой предок не стал возражать против нового соседства. Спустя многие годы выяснилось, что напрасно.

Одновременно похожие как на нас, так и на хладнокровных ящеров, диркены оказались подобны ненасытным вредителям. С ужасающей скоростью они начали опустошать еще недавно процветающие миры и захотели расширить свои крошечные владения. Вместо того, чтобы как все цивилизованные расы, ограничивать рост численности популяции во избежание дефицита ресурсов, диркены стали размножаться еще быстрее, пополняя армию новыми бойцами. Диркенки производят на свет не одного-двоих детей, как наши женщины, а сразу пятерых-шестерых, и растет их потомство невероятно быстро. Период взросления длится всего один год. За это время юный диркен меняет кожу семь раз, и

уже после пятой линьки он считается пригодным к военной службе.

Алверы поступают в армию только в восемнадцать лет. Для кадетов военных академий срок призыва на службу был ниже. Из-за чего наше численное преимущество сошло на нет еще в начале первой военной кампании. Официальной причиной для войны стали обоюдные территориальные претензии на свободную для колонизации планету. Хитрые диркены умеют обращать лазейки в законах себе на пользу. Их методы, в основном, редко сочетаются с принципами общегалактической морали и нравственности.

Галактическое содружество не признало претензии ни одной из враждующих сторон и объявило о нейтралитете в разгоревшемся военном конфликте. С того момента мы остались один на один с беспощадным коварным врагом, лишенные надежды на помощь других рас.

До сих пор диркены пытаются выбить нас из последнего оплота. Их цель – занять систему двух звезд и уничтожить древний народ алверов. Нам пока удается сдерживать их растущий натиск, но все понимают, что долго мы не продержимся. Один алверийский герой стоит полусотни диркенов, но враг рано или поздно задавит нас числом или заморит голодом.

В глубочайшей тоске я смотрел на информационный экран, транслирующий выпуск галактических новостей. Мне было невыносимо больно наблюдать за тем, как первый со-

ветник главнокомандующего Альтерро, упитанный здоровяк Ишейрел Олкесси, стоя на высоком шемерейском холме, дает жестом знак своим воинам гнать испуганное стадо желторогих маледов на убой. Еще недавно Шемерия была нашей планетой-колонией. Мой народ рационально использовал ресурсы, не опустошая живую природу. Диркены не признают ограничений и не видят преград на своем разрушительном пути.

Мы должны остановить их. Но как, если наши последние ресурсы истощаются? Только настоящее чудо может спасти нас от полного истребления. Информационный экран замигал оповещением о входящем неопознанном сигнале, что заставило меня отвлечься от невеселых размышлений.

Активировав дополнительную защиту на случай попытки внедрения в систему связи вредоносных программ, я включил расшифровку закодированного сообщения. “Я сел ему на хвост”. Что это может значить? Кто передал настолько странное сообщение?

Сразу представилось, что одному хвостатому существу кто-то случайно прищемил стратегически важную часть тела. После такого обращения владелец пострадавшей конечности точно не обрадуется вторжению в свое личное пространство. Тряхнув головой, я отогнал от себя непрошенный образ.

Немного поразмыслив, я вспомнил, что у некоторых древних и не так хорошо развитых рас в обиходе было выраже-

ние “сесть на хвост”, которое можно истолковать как “начать скрытую слежку за объектом”.

Много раз мы пытались организовать разведку во вражеском штабе, и всегда с отрицательным результатом. Все, кого вербовала империя, будь то существа с завоеванных диркенами планет или захваченные вражеские пленные – как правило, ими оказывались молодые бойцы, не горевшие желанием прощаться с жизнью ради процветания власть имущих сородичей, работали на нас ровно до того момента, как им удавалось приблизиться к ставке главнокомандующего.

Альтерро чуял малейшие импульсные вибрации, указывающие на нечестность того или иного воина, раба или “случайно мимо проходившего” торговца. Ему не нужно было прибегать к пыткам. Его телепатические способности просто сметали естественную защиту сознания подозреваемого существа, открывая полный доступ к информации памяти. Попавшие к нему на допрос шпионы не возвращались живыми. Они пропадали бесследно. Ходили слухи, что Альтерро выборочно питается военнопленными, и я понимал – к сожалению, это не выдумка.

Жесточайший убийца, которого уничтожили силами альянса в далеком прошлом... Это чудовище даже мне внушало уважительный трепет, граничащий с паническим ужасом. В моей памяти отчетливо всплывали кровавые картины боевой хроники с занятий по истории военного дела. Нам всем крупно не повезло, что тварь, однажды практически стертая

с лица вселенной, снова может дышать, да еще теперь и разрабатывать планы по завоеванию целых созвездий. Если мы не придумаем, как его изловить и уничтожить, боюсь, это нашу империю враги сотрут в космическую пыль.

Темная кожа, сливающаяся со мраком ночи, горящие яростным огнем глаза и острые клыки – вот, что видели наши плененные воины и союзники в последние мгновения жизни. Жуткая тварь, похожая на злой дух, повелителя ночных кошмаров из алверийской мифологии. Беспощадный коварный враг, легко сметающий любые преграды на своем пути. Еще никому из имперских командиров не удавалось перехитрить Альтерро. Непостижимым образом он всегда оказывался на шаг впереди нас.

Управление, отвечающее за исторический музей, расположенный на космической станции галактического содружества, умалчивало о том, каким образом диркенам удалось заполучить прекрасно сохранившуюся мумию риасийского вождя. Я не верил в официальную версию о краже. Если так, то почему до сих пор не возбуждено дело и не начато расследование? Скорее всего, чиновники тайно продали диркенам ценный генетический материал, поступившись вечным запретом на восстановление расы риасов. Опасные хищники, признанные серьезной угрозой для мирных жителей, были полностью истреблены почти тысячелетие назад. Мой славный предок генерал Кастиллиан Дильгорр участвовал в решающих сражениях с агрессивными кровожадными тваря-

ми. Он собственноручно убил их последнего лидера.

Говорят, иногда история повторяется в новой параллели временных петель. Судьба столкнула меня в противостоянии с генетически усовершенствованной версией того самого вождя риасов. Диркены не имели права как на его восстановление, так и на избрание военным главнокомандующим их армии. По закону Альтерро должен быть приравнен к наемнику, назначение которого на высшие государственные должности недопустимо.

Изворотливым ящерам удалось избежать наказания за нарушение сразу двух галактических законов. Их верховный правитель подал официальное заявление о том, что в ДНК клонированной особи внедрены аж три диркенских гена, на основании чего Альтерро не может считаться чистокровным риасом, а также он вправе быть признан полноправным гражданином кочевого государства диркенов. Как обычно, со стороны правления содружества не последовало никаких возражений. Подозреваю, их лояльность не была бескорыстной.

“Сесть на хвост” – загадочное сообщение не оставляло в покое мой пытливый ум. Можно ли его истолковать чуть более буквально, нежели просто начало слежки?

Из наших врагов хвост присутствовал у одного Альтерро. Диркены не обладали столь примечательной частью тела. Согласно полученным скудным разведанным, ящеры дважды пытались избавить своего боевого командира от лиш-

ней, на их взгляд, детали. Но у искусственно воссозданной твари оказалась настолько совершенная и быстрая способность к восстановлению при травмах, что после каждого купирования хвост заново вырастал еще длиннее, и кисточка на его конце становилась еще пушистее. Убедившись в бесполезности применения регенерационных блокаторов, диркены оставили в покое “ненужное” продолжение позвоночника риасийского вождя.

Я, кажется, догадался, какой хитрый и неуловимый разведчик мог в древнем смысле этого слова сесть на хвост Альтерро и незаметно проникнуть на борт главного атакующего флагмана вражеского космического флота...

Крошечное существо с огромным именем и еще большим самомнением, спасенное мною от неминуемой гибели на торговой планете Дашиойн, куда я наведывался для встречи с информатором. Пока кровожадный Альтерро лакомился убитым осведомителем, мой неожиданный маленький союзник спрятался в пушистой кисточке его длинного хвоста.

Глава 4. Не тот принц

Снежана

Предновогодняя вечерняя Москва похожа на чудесный сказочный мир. Центр города щедро украшен разноцветными электрическими гирляндами, большими искусственными елками в необычных ярких “нарядах” и затейливыми праздничными скульптурами, арками, беседками. Идешь по Никольской улице или Старому Арбату, а над головой сияют тысячи огней. И только успевай фотографироваться возле каждой новой красоты, встречающей тебя буквально на каждом шагу...

Жилье мне досталось не лучшее, но за ту мизерную цену, которую взяла за месяц хозяйка квартиры, вполне даже приличное. Спать приходилось на раскладушке посреди замызанной кухни, кишашей тараканами. Неопрятная старуха, большая любительница выпивки, и не думала морить насекомых. Я покупала недорогие приманки-ловушки, но тараканий поток не иссякал. Сама хозяйка жила в комнате, забитой грязной одеждой и разным бытовым хламом, спала на проваленном диване. По мере сил я старалась хоть немного прибраться в ее квартире, но за много лет сами стены настолько сильно пропитались этим духом, что спасти положение мог разве что капитальный ремонт.

С легкой руки Зинаиды Семеновны мне посчастливилось

устроиться на работу в пекарню, которой владела доброжелательная и отзывчивая женщина. Звали хозяйку Надежда Ивановна. Полная, румяная, склонная к шуткам-прибауткам, она приветливо встретила меня, выйдя за порог своего солидного, по словам наших деревенских жителей, а на деле очень маленького и скромного заведения, и сразу же позвала к столу попробовать вкуснейшую выпечку. За обедом расспросила о том, что я умею делать по хозяйству, не склонна ли отлынивать от работы, насколько люблю готовить. Внимательно выслушав ответы, сказала, что лучше мне попробовать испытать себя в роли пекаря-кондитера, тем более у продавца зарплата меньше, и уж эта должность точно никуда от меня не убежит.

Аня, дочь Надежды Ивановны, по лицу и фигуре мало походила на свою маму. Невысокая, худенькая, с резкими чертами лица, она в двадцать лет могла сойти за девочку-подростка. Еще и волосы почему-то красила в ярко-рыжий цвет вместо того, чтобы выбрать один из спокойных “взрослых” оттенков.

На первых порах Аня много помогала мне в работе, объясняла малейшие тонкости и хитрости. Не думаю, что без ее участия мне удалось бы с такой легкостью и быстротой научиться готовить кексы, булочки, пирожные и печенье. Я с детства любила стряпню, но домашние пирожки и красивые изделия на продажу – совсем не одно и то же. На продукции частной пекарни, дорожающей многолетней доброй репутаци-

ей, не положено виднеться и малюсенькой черной подгорелой корочке.

Мы с Аней быстро подружились. Она устраивала для меня маленькие экскурсии по центру города, водила в музеи. Посещение картинной галереи навело на меня тяжкую тоску. Пейзажи разных времен года не увлекали взор, казались безжизненными и унылыми. В выражениях лиц знатных дам и господ, окруженных атмосферой роскоши и безделья, читалась усталость от житейских тягот. Не радовали их пышные балы и конные прогулки.

Печально становилось тому зрителю, кто рисковал заглянуть в их недовольно сощуренные, скорбно прикрытые или испуганно вытаращенные глаза. Ни генерал, ни принц, ни графиня, не выглядели счастливее дворцовой прислуги или крестьянки. И даже маленькие дети смотрели с тех картин необычайно взрослым взглядом, исполненным тревоги или печали.

Совсем другие, гораздо более приятные впечатления подарил Дом-музей Михаила Булгакова. Я с радостью согласилась, когда мне Аня предложила сходить “в гости” к автору одной из самых моих любимых книг – “Мастера и Маргариты”. Приятная домашняя атмосфера, простенькое, без раздражающей вычурности, убранство квартиры, милые старинные вещицы – у каждой из них своя необычная и, пожалуй, немножко мистическая история.

Я невольно задержалась у огромного зеркала, как будто

мое запечатленное в нем отражение попало в плен и теперь не позволяло ни на шаг отступить назад или в сторону. На миг мне почудилось, что зеркальная поверхность колеблется, по ней бегут мельчайшие волны, и грани пространства изменяются, открывается путь в другой мир.

Аня окликнула, и я очнулась от странного наваждения. Подруга настойчиво мне вручила гелевую ручку и тетрадный лист. Рассказала, что я могу написать письмо с желанием и опустить его в специальный ящик “Почта любви”.

Затаив дыхание, я дрожащей рукой написала письмо великому Мастеру с просьбой помочь моей маме выздороветь и только собралась свернуть листок, как меня словно кто-то легонько тронул за плечо. Я почти не испугалась, и вдруг поняла, что о любви тоже нужно добавить пару строк. Приписала в уголке листа скромную просьбу о счастье в личной жизни и чтобы муж мне достался заботливый, а не такой злобный хулиган, каким был покойный отец.

По пути к станции метро мы с Аней вновь разговорились о моей маме и знаменитом докторе.

– Как я раньше не вспомнила?! – подруга хлопнула себя по лбу. – Мой однокурсник Виталька Кольцов работал ай-тишником в клубе Гарика Погосяна и хорошо его знает. Гарик – сын того врача, который может вылечить твою маму. Вдруг если его попросить, он уговорит отца по знакомству сделать большую скидку на операцию. А еще, насколько я слышала, Виталик пока не женился. Может, он чудесным об-

разом дожидался тебя, сам того не зная. Мы должны вместе прийти к нему. Вечером позвоню Виталику, а завтра после работы отвезу тебя на очень важную встречу. Договорились?

— Большущее тебе спасибо! Вы с мамой так много делаете для меня! — я не знала, как отблагодарить этих замечательных людей.

— Да не за что, — Аня хитренько улыбнулась. — Ты сама молодчина. Не ленишься и любишь учиться. Не боишься трудностей. Вместе мы спасем твою маму. Не переживай.

Слова московской подруги утешили, помогли вернуться доброй надежде. А еще веру в чудеса подогревала необычайная легкость, поселившаяся в моей душе после посещения маленького музея и особенно после того, как я опустила письмо-желание в почтовый ящик.

На следующий день мы с Аней пришли в гости к тому самому Виталику, знакомому с сыном доктора Погосяна. Обстановка квартиры его родителей так и кричала о роскоши. По виду мебель, светильники, и даже обои стоили немалых денег.

Шикарный гарнитур из красного дерева словно был привезен из музея и в давние времена принадлежал французскому королю. Подвески хрустальных люстр мерцали, подобно прекрасным алмазам. На стенах золотистыми бликами переливались цветочные узоры.

— Подожди тут, — Аня попросила меня постоять в коридоре, а сама пошла в гостиную поговорить с однокурсником.

Дурная привычка, которой раньше за мной не водилось. Но тут вдруг меня непреодолимо потянуло к закрытой двери гостиной. Аня тихо поведала другу о нашем семейном бедствии, о том, как жизненно важна для меня встреча с Гарри Погосяном. Но лучше бы она не рисковала переводить беседу в другое русло. Зачем только стала рассказывать о том, какая хорошая у нее появилась новая подруга? Не нужно ей было признаваться, что привела меня не только просить о помощи, но и лично познакомить с ним.

– Ты с ума сошла?! – Виталик так громко воскликнул, что и подслушивать, напрягая слух, не пришлось. – Притащила ко мне домой какую-то шушеру подзаборную, и еще хочешь меня с ней познакомить. Знаю я этих понаехавших дур. У них в голове все время шелкает счетчик чужих квадратных метров жилплощади. Спят и видят, как бы хорошую квартиру оттяпать у москвича. Нее, на раз попользоваться и эта сойдет. На одну ночь и то по пьяни.

– Не говори так. Снежана совсем не такая, – Аня обиженно вздохнула. – Она приличная девушка, и не нужны ей твои метры.

– Ну, значит, и ты не лучше подруги из Тмутаракани. Иначе не притащила бы всякое отребье в мою прекрасную квартиру, где в разные годы жили и творили академик Игнат Васильев, писатель Арсений Евстратьев и другие славные люди. Мои предки, между прочим.

Я приоткрыла дверь и увидела, как парень показывает ру-

кой на портреты, которыми были сплошняком увешаны стены гостиной. Прямо как в музее.

– И другой мой великий предок, гусар Филимон Подлипский, посоветовал бы мне выгнать крестьянскую дуру вон отсюда, – разошелся Виталик. – Говоришь, ей нужен Гарри Погосян? Вот пусть сама идет к нему в ночной клуб “Стазис”. Гарик там тусуется каждый вечер после девяти часов. Он как раз охотно берет понаехавших шлюшек в интим-массажистки и службу эскорта. Глядишь, ей у него понравится в девочках по вызову. И на лечение матери быстро заработает.

Аня вlepила теперь уже точно бывшему институтскому другу хлесткую пощечину и вышла в коридор.

– Снежан, уходим из красивой помойки, – она потянула меня за руку к двери. – Пусть дурачок сидит с портретами предков, которым, я уверена, стыдно смотреть на него с того света и с этих картин.

Мне было ужасно обидно выслушивать гадости, которых я ничуть не заслужила. Вот они какие, московские принцы. Лучше от таких бочком и в сторонку. Ничего хорошего в жизни не принесут, еще не факт, что окажутся лучше того пьянчуги из деревенских.

Вечером позвонила Зинаида Семеновна. Рассказала, что моя мама упала в обморок и долго не приходила в себя. Староста вызвала “Скорую” из райцентра, но фельдшер только развела руками и сказала – мол, при мамином диагнозе такое будет повторяться все чаще. Срочно нужна операция.

Хозяйка пекарни обещала мне хорошую премию перед самым новым годом, но я понимала, что дольше ждать нельзя. Мама в следующий раз может упасть и никогда больше не очнуться. Слезы неукротимыми ручейками хлынули из глаз.

Как же так? Только я понадеялась, что у нас с мамой еще есть пусть и немного времени на сбор нужной суммы денег. Все чаще я представляла в мечтах ее здоровой и счастливой. И вдруг пришло страшное известие.

Что я могу сделать для спасения ее жизни? Мне даже продать нечего, кроме своего тела. Значит, правы заносчивый столичный принц и непутевая Катька. Нет у меня другого пути, кроме как на панель. Видать, судьба такая. Проплавав с пол часа, я умылась, накрутила нарочито ярко и вульгарно, глянула по навигатору в телефоне, где находится клуб “Статис”. Вместо длинного зимнего пальто – удобного и теплого, я надела стеганую осеннюю курточку. Придется идти к сыну знаменитого доктора на поклон и проситься в девочки по вызову. Я должна спасти маму.

Глава 5. Звездные дорожки ведут в клуб Стазис

Снежана

По пути в ночной клуб я, как заправская шпионка, навела справки о семье доктора Погосяна. Хотела примерно понять, что за человек этот Гарри, для встречи с которым мне нужно сначала ехать на метро, а потом идти ножками по проспекту до клуба. У талантливого хирурга было двое взрослых детей. Старший Гарри и младшая Диана. Статей и видео в интернете об их скандальных выходках нашлось хоть отбавляй.

Журналисты язвили, дескать природа по своей излюбленной традиции решила отдохнуть на детях гения. Я прочитала короткую заметку об истории этой семьи и поняла, что не могу согласиться с борзописцами. Природа здесь не виновата. Мама Гарри и Дианы погибла в аварии, когда дети были еще совсем малышами. Отец постоянно пропадал то на операциях, то на заграничных конференциях. За детьми присматривали няньки, которые не особо заботились об их правильном воспитании. Недостаток внимания отец надеялся компенсировать дорогими игрушками и развлечениями.

У Гарри и Дианы было все, о чем только может мечтать ребенок, кроме самого важного – родительской любви. Так они и выросли, или точнее, остались большими избалован-

ными, капризными детьми, плохо приспособленными к самостоятельной жизни. А их отец по-прежнему старался откупиться дорогими игрушками.

Дочери подарил салон красоты, а сыну – ночной клуб, раньше называвшийся “Эк – стазис”. При новом владельце название заменили менее компрометирующим. Сетевой поисковик объяснил мне, что стазис – очень глубокая спячка. Лучше и не пробовать понять, как связаны шальные танцы в клубе и непробудный сон. Мне эта загадка не далась, но хоть чуток повеселила.

Я немного припозднилась. Переживала, как бы не опоздать. Вдруг хозяин клуба приехал на пару минут и до моего прихода умчался на шикарном авто? Запыхавшись, я подбежала к дверям клуба и чуть не врезалась в огромного вышибалу. Еле затормозила.

– Д-д-добрый вечер, – скинув капюшон, подняла голову и заглянула в маленькие глазки толстяка, далекие от меня из-за его пугающе высокого роста. Мои зубы от холода и нервоза выбивали барабанную дробь. – Я п-п-пришла к-к-к Гарику от-т Виталика. По рекомендации!

Не знала, сработает ли уловка. Может, Виталик никогда не направлял к приятелю девушек.

– Проходи, – громила распахнул передо мной железную дверь. – Гарри Рубенович у себя в кабинете. Служебный вход направо, где лестница.

Стараясь не спешить и не дергаться, я тихонько вошла в

кабинет владельца клуба. На меня с легким испугом взглянул развалившийся в широком кресле парень. Вальяжно закинув ногу на ногу, он сидел за прозрачным столом, на котором лежали тонкие папки с документами.

Я не ошиблась, представляя Гарри большим ребенком. Обиженно поджав тонкие губы и прищулив темные глаза, он смотрел на меня, как на непривычно дешевую игрушку – не ту, которую ждал, но выбрасывать жалко, на что-нибудь да сгодится. Я смотрела на него, потеряв дар речи от волнения.

Худощавый, болезненно бледный, словно долгое время прожил взаперти, не видя солнечного света. Бордовая атласная рубашка, черные брюки со стрелкой, лакированные ботинки и... море украшений: перстни, браслеты, запонки.

Зачем парню столько побрякушек, а еще – как он их не теряет? Я умудрилась где-то посеять золотую цепочку, мамин подарок, и с тех пор носила только дешевую бижутерию. Скудные фамильные драгоценности вместе со столовым серебром лежали неприкосновенные в шкафу под спудом старых льняных простыней – бабушкиного наследства.

– Выкладывай, какие проблемы привели в мою берлогу, на что рассчитываешь? – Гарри потер указательным пальцем острый кончик длинного носа. – Только сразу прошу не засорять мне мозги долгими жалобами на тяжелую жизнь. Я не психолог, и не готов часами выслушивать нытье, вранье – нужное подчеркнуть.

Переведа дух, я как можно быстрее и понятнее объяснила

ему свое непростое положение. Гарри внимательно слушал, сложив пальцы домиком. Как только я умолкла, он встал с кресла и подошел ко мне.

– Короче, детка, без обид. Ты не подходишь для интима. Это не твое. Прими как данное и не пытайся меня переубедить. Такие, как ты, тут надолго не задерживаются. А доставать тебя из петли дело неблагодарное, потом от проверок не отмахаться.

– Но разве вам не все равно, кто, с кем и как? – удивилась я.

– Лично мне отнюдь не безразлична репутация моего заведения и статус девочек, работающих в нем. Скажу больше, она значит не меньше, чем прибыль. В этом мире не все так просто, как ты думаешь. Репутация сегодня есть, а завтра ее может не стать. Следовательно, и денег тоже. Представь, ты и перед клиентом будешь дрожать, как кленовый лист. Кому это надо? Извращенцам-садистам, которым нужны страх и боль нежных дев, сюда путь заказан. Я веду бизнес по правилу – все должны получать удовольствие, как наши клиенты, так и девчонки. Ты в обозначенную схему не вписываешься.

– А если я постараюсь... – замаявшись на секунду, я попыталась подобрать верное слово, – вписаться?

– Поверь, мне на фиг не сдалось ломать твои подсознательные блоки. И ничего дельного таким путем не выйдет. У многих из наших девчонок нет реальной нужды. Они придумали ее для оправдания своего поведения, испокон веков

порицаемого обществом. Но у них есть желание, страсть... Как бы лучше выразиться... Голод! У тебя все с точностью до наоборот. Есть реальная нужда, но психологической готовности к работе – ноль. Не говоря уже о желании. Тут твой показатель уходит в глубокий минус. Реанимации он не поддается, так что не твое это детка, не твое.

Я признавала, что Гарри прав. Как ни крути, ночной бабочки из меня не получится. А вот журналисты заблуждались. Сын известного врача на поверку оказался совсем не таким дураком, каким его представляли в сети, пусть он и участвовал в нелегальных ночных гонках, и дрался с каким-то чиновником. Со мной разговаривал вполне разумный человек, имеющий деловую хватку и окончивший престижный институт не только ради “корочки”.

– Но что мне делать? Как спасти маму? – я поежилась под его холодным пристальным взглядом.

– Все, что я могу тебе предложить – массаж без интима. Полностью легальная вечерняя подработка по трудовому договору. Ты говорила, что готовишь пироги и калачи. У меня идея.

Сняв рубашку, парень подошел к дивану и лег на живот.

– Представь, что моя спина и плечи – это большой кусок теста, который нужно раскатать и размять, а попа и ноги – мясо для отбивных. Попробуй сделать полуфабрикаты из представленного сырья. Если справишься с задачей, я тебе заплачу авансом и попрошу отца принять твою маму в

стационаре как VIP-клиентку. А теперь приступай. Разомни мне плечи.

Я постаралась следовать его советам и... О чудо, у меня все получилось. Страх отступил.

– Видишь, бояться нечего, – некоторое время спустя улыбнулся мне Гарри, встречая из раздевалки.

Я чувствовала себя неловко перед парнем, выйдя к нему в одном нижнем белье, пусть и очень дорогом, красивом и в достаточной мере закрытом, не похожем на тонкие полоски.

– Клиент вправе любоваться твоей красотой, но не должен распускать руки. На случай нештатных ситуаций в каждой кабинке установлена видеокамера. Ребята всегда помогут, если что. Главное – без паники и делай мордочку милее, глазищи у тебя что надо, – напутствовал Гарри. – Заскочи к Соне, она подведет тебе глаза и объяснит, как отыграть вечер по полной. Понравишься пробным клиентам, а там, глядишь, втянешься. Может, и для интима сойдешь. Кто знает, что блуждает в глубинах подсознания у таких тихих кралей?

Я улыбнулась – сначала ему, а потом своему отражению в большом зеркале. Волосы мне завили и сделали красивую укладку. Белье было просто шикарным. Босые ноги слегка озябли, но в кабинке должно быть теплее, чем в примерной.

– Тебе повезло, детка, – провожая меня, Гарри заглянул в пункт охраны и показал, кто ждет в кабинке. – Твой первый клиент не должен замучить придирами. Думаю, он почтет за счастье любое внимание.

Посмотрев на экран, я увидела, что в углу тесной кабинки сидит бородатый дед – во сто шуб одет. На голове у него помятая долгой жизнью шляпа. Под распахнутым пальто – толстый свитер, из-под него торчит длинная белая рубаша, на ногах полосатые шаровары, как от пижамы. Обувка похожа на валенки. Необычный посетитель молодежного заведения. Но выгодный, похоже. Оплата поминутная, а с него только снимать одежду можно нарочито долго.

Глава 6. Магистр

Снежана

Как только я вошла в кабинку, пытаюсь побороть застенчивость, чтобы не краснеть перед клиентом, как странный дед тут же встал с мягкой табуретки, и я увидела, что ростом он буквально метр с кепкой. Точнее говоря, со шляпой. Осторожно приблизившись к нему, я несмело улыбнулась и попыталась выглядеть более заискивающе.

– Добрый вечер. Меня зовут Снежана. Сегодня вечером я ваша Снегурочка. А вы... Дед Мороз? – я на одном дыхании пролепетала заученную рабочую фразу, испуганно наблюдая за тем, как низенький старичок стучит кулаком по своей шее, обмотанной большим шарфом.

Что с ним? Подавиться тут нечем. В массажные кабинки не приносят еду и напитки из бара. У дедушки приступ какой-то болезни? Только бы не умер!

– Вам плохо? Вызвать помощь? Воды? – заполошно спросила я.

И тут дед заговорил на иностранном языке. Точнее, стал скрипучим голосом произносить то шипящие звуки, то непонятные слова.

– Эх! Опять мой автоматический переводчик барахлит, – выдав-таки русскую речь, старичок перестал стучать по шее. – Увы, даже великий мудрец не способен владеть мил-

лиардами языков разных народов, живущих в нашей части вселенной... Позвольте представиться, барышня. Магистр Ферту.

Барышня... Магистр... Я невольно вспомнила о своем деревенском происхождении и сообразила, что в здравом уме человек не назовет себя магистром, если только не окончил магистратуру в университете. Но странный посетитель ночного клуба был далек от студенческих лет. Мне захотелось сбежать от выжившего из ума старика. Объяснить владельцу клуба, что не могу прикасаться к сумасшедшему клиенту.

Медленно попятилась к пластиковой дверце, но тут старик снял шляпу, и я застыла от испуга. На голове у странного деда из коротких седых волос торчали маленькие рожки. Два росли над висками, а третий на макушке.

Или я сошла с ума, или случилось невероятное! Не надо было мне так долго смотреть в мистическое зеркало. Неужели побывав в доме-музее Булгакова, я случайно открыла путь в потусторонний мир? Рогатый дед если кого и напоминал, так это гостя на балу в “Мастере и Маргарите”.

Я перекрестилась в надежде, что нечисть сгинет, но странный посетитель клуба не исчез. Только нащупала ручку дверцы, как рогатый старичок взмахнул рукой, и я почувствовала, что не могу двигаться. Все мое тело сковало гипнотическое оцепенение. Страх прошел. Я просто была не в силах бояться. Дед точно бы успокаивал меня внушением. Против моей собственной воли на душе становилось все лег-

че и радостней, словно я встретила хорошего знакомого.

– Не пугайся, – ласково сказал рогатый старичок, подходя ближе. – Много веков я скитался по вселенной, но всегда следовал пути Добра, ведущего меня к единой цели. Миру и процветанию, которые должны тронуть сердца каждого на этой планете. И вот на закате моей жизни звездные дорожки привели к тебе, новая Хранительница Ключа Ллиэтаира. О, жительница планеты Земля, ты даже не представляешь, сколь великая тебе выпала честь. К большому сожалению, у нас нет времени на долгие разъяснительные беседы. Коварные злодеи идут по моему следу. Ключ нужно передать как можно скорее. Я прошу тебя принять древнее наследие, источник могущественной силы, способной как разрушить целую галактику, так и послужить на созидание и защиту жизни в обитаемых мирах, которых во вселенной бесчисленное множество.

– Погодите... Ключ... Галактика... Ничего не понимаю.

Ко мне вернулся дар речи, как только магистр взял меня за руку. Но вырваться и сбежать я не могла. Движения сковывала необъяснимая вялость. Я по-прежнему не понимала, во сне все это происходит, в больных галлюцинациях или наяву.

– Ключ – это древнейший артефакт, созданный великими мудрыми магами, он открывает путь к мощнейшему источнику энергии, надежно спрятанному от любопытных и злонамеренных, – объяснил странный дед. Он отпустил мою ру-

ку и вынул из-за пазухи ярко сияющий голубой кристалл. — Многие считают Ллиэтаир самым совершенным из всех когда-либо изобретенных видов оружия. Но мало кто помнит, что не был он создан разумом живого существа. Ллиэтаир — живой, думающий дар Повелителя Вселенной, высшего разума, господствующего над всеми населенными и пустующими мирами. Он был послан моему народу для защиты от завоевателей, и воспротивился против применения его в тех же целях, какие преследовали наши враги. Ллиэтаир предпочел скрыться от воинов, заразившихся невидимыми язвами жадности. Выбрал участь предания забвению, ровно до тех пор, пока другому народу не понадобится его помощь. Но за века беспробудной спячки его воля ослабела, и потому сейчас как никогда легко его в новом пробуждении склонить ко злу. По милости Владыки Вселенной, этот Ключ, хранящий частицу разума Ллиэтаира, всегда пребывал под приглядом верных слугителей Добра. Потому он так тянется к чистой душе и способен соединиться лишь с искренне любящим сердцем. Он выбрал тебя своей новой Хранительницей.

— Простите, магистр... Я не готова к вселенской ответственности, — пролепетала немеющим от испуга языком. — Я даже толком не понимаю, что это такое. Где и как мне хранить его? Давайте я вам лучше кого-нибудь более компетентного в этих вопросах позову. Поверьте, вам помогут и сделают все, что в их силах.

Осторожно попятившись от этого странного человека,

или не совсем человека, я хотела только одного, сбежать как можно быстрее. Псих какой-то, или я с ума сошла и мне все это мерещится?

– Видишь ли, Снежана, жизнь хитро устроена, – магистр подмигнул, почесав рог на макушке. – Порой мы сами выбираем свою судьбу, но бывает, что судьба сама выбирает нас, не давая иных вариантов пути. Так случилось со мной в далекой юности, и я ничуть не жалею о прожитых в роли Хранителя годах. Ключ помогает избранному и оберегает его. Когда придет время этой маленькой частичке соединиться с ее источником, тебе будет указан путь к священному храму, где пребывает в глубоком сне Ллэнтаир. Ничего не бойся и научись прислушиваться к зову сердца, с которым отныне и на всю твою жизнь соединится Ключ. Не горюй и о том, что я умру, как только передам его тебе. Мой жизненный путь пройден. Я шел по нему больше тысячи лет по земному летоисчислению, которое примерно равняется общегалактическому. Мы только познакомились, и нам пора прощаться.

Магистр печально улыбнулся, коснувшись моей руки. Если бы подозрительный старичок, теперь казавшийся несколько не похожим на нечисть, не влиял на мое настроение и самочувствие, я, вне всякого сомнения, упала бы в обморок от шока.

Кристалл на ладони магистра ярче замерцал, начал вращаться и становится жидким, словно большая капля воды.

Снявшись с темной мозолистой руки, он поплыл ко мне, замер на мгновение, излучая голубоватый свет, а потом... Я едва успела понять, что кристалл вновь начал движение. Внезапно почувствовалась легкая боль в центре груди и приятное тепло, согревающее все тело. Я поняла, что волшебный Ключ проник в меня, чтобы стать моей частью, как и предсказывал магистр.

Только бы это был сон. Мне хотелось молиться о скорейшем пробуждении. Рогатый дед медленно стал оседать на пол, придерживаясь за стенку кабинки. Я вновь смогла двигаться, но вместо того, чтобы броситься наутек, присела рядом с ним. Кем бы ни был странный гость, я не могла оставить его в беде. Можно ли ему помочь? Правда ли, что прямо сейчас он умрет, и это неизбежно?

– Мое последнее видение, – задыхаясь, прохрипел магистр. – Враги приближаются. На тебя начнется охота. Запомни, что бы ни случилось, не отдавай Ключ Тел-та-ка-ну.

На этом непонятном слове старик испустил дух. Я в ужасе придерживала его за воротник пальто и не могла отпустить, пока не почувствовала, как бездыханное тело быстро нагревается. Еле-еле поднявшись, я увидела, что магистр тает. Растворяется в воздухе. Розовый пар потек в вентиляцию. На полу остались одежда и валенки.

– Что тут? О-о! – в кабинку вломился Гарри, а с ним два дюжих охранника. – Где клиент?

– Он испарился, – честно сказала я.

Стояла, прислонившись к тонкой пластиковой стенке и опершись на нее горячими ладонками. Думала о том, как бы не упасть и не разрушить кабинку.

– Вот мошенник! Пролез в вентиляционный люк. Ушел голым на мороз, – Гарри обыденно истолковал мои слова. – На что только не идут разные проходимцы, чтобы не платить. Он ведь не заплатил как положено, заранее? Я прав?

Один из охранников кивнул в знак согласия. Второй перетряхнул одежду магистра и проворчал:

– Старикан с собой принес расплавленные железяки. Может, он одной из них сломал камеру. Но как до нее допрыгнул? Прямо какой-то циркач, а не дед Шишок.

– Иди домой, – Гарри взял меня под руку и вывел из кабинки. – Видишь, не твой сегодня день. И не твое здесь место. Сама жизнь отталкивает. Проводить до гримерки?

– Я сама дойду. Большое спасибо, – постаралась тверже стоять на ногах, но меня все еще слегка пошатывало.

– Ты вся горишь, и красная, как лобстер, – Гарри приложил ладонь к моему лбу. – Короче, переодевайся и дуй домой. Не забудь шапку и шарф, чтобы не простыть. Не надо больше никаких жертв. Подумаю, как помочь твоей маме. Завтра созвонимся.

Я сама потрогала лоб – да, он был очень горячий. Ущипнула себя за пылающее ухо – почувствовала боль и не проснулась. Все случилось наяву, и во мне притаился живой ключ от галактического оружия, способного разнести

полвселенной, который я не должна отдавать... кому? Какому-то таракану. Вроде бы, так сказал магистр. Мне казалось, что варящаяся в голове закипающая каша вот-вот полезет из ушей.

Переодевшись и утеплившись, насколько это было возможно с учетом длины куртки, едва прикрывающей поясницу, я спустилась по узкой железной лестнице служебного выхода и в дверях столкнулась с Дианой Погосян. Сестру Гарри узнала с первого взгляда. Силиконовая кукла примелькалась в сети, пока я собирала свое шпионское досье на ее семью.

– Это еще что за чучело? А ну быстро убери свои грязные лапы от моей новой шубки! – искусственное лицо Дианы, которое можно назвать мозаикой, собранной разными пластическими хирургами, перекосила капризная гримаса.

Девушка замахала руками, словно прогоняя комаров, а потом стала осматривать короткую белую шубу из норки или похожего зверька. Я не разбиралась в мехах дороже овчины.

– Не трогала я твою облезлую рухлядь, – машинально вырвалось у меня.

– Что-о?! Да я тебе... – Диана ринулась в драку.

Я постеснялась, да и побоялась двинуть “светской львице” по-нашенски, по-деревенски. Нежную фифу соплей перешибешь. Куда ее фитнесам до наших огородов со скотными дворами. Вроде бы тренировки и закалки – да не те. Диана схватила меня за грудки, и словно разряд электричества ударил между нами.

– А-а-а! – истошно завопила избалованная бездельница, как будто что-то стряхивая с меха на груди. – На помощь! Эта ненормальная меня обожгла! Моя шуба горит!

С улицы пришел громила, стоявший при дверях. Из кабинета спустился Гарри. Вместе они осмотрели Диану и ее шубу.

– Все в порядке, Вован. Моя несносная сестренка перегрелась на мексиканском солнышке. Издержки акклиматизации, – Гарри взял Диану за руку и потащил вверх по лестнице. – Что ты опять вытворяешь? Сколько можно терпеть твои выходки? – шипел он ей на ухо.

Беспрепятственно пройдя мимо громилы, я вышла на улицу. Через несколько шагов остановилась у фонарного столба, чтобы отдышаться и навести порядок в голове. Ключ защитил меня от Дианы. Обжег ее и внушил, что шуба в огне. Магистр сказал, Ключ оберегает Хранителя.

О, Боже! Как мне теперь с этим жить? Помоги! Простояв без движения минут пять и остыв малость на легком морозе, я поспешила к станции метро. Древний артефакт, по неведомой ошибке оказавшийся у меня, больше никак себя не проявлял, но и не позволял забыть, что удивительное приключение все же произошло со мной наяву.

Закрыв глаза в метро, я видела летящие навстречу звезды. Красивые и яркие. Они манили за собой в глубины неисследованного человечеством космоса. Невероятное завораживающее ощущение!

На съемной квартире восхитительное чувство величия вселенной сменилось легким страхом. С большим подозрением я поглядывала на прогуливающих по кухне рыжих тараканов. А вдруг среди них прячется замаскированный галактический преступник, злобный космический пират, который жаждет завладеть Ключом? Недаром же магистр просил остерегаться таракана. Так и свихнуться недолго, если этого еще не случилось и вся история с Ключом не сплошной бред больного воображения.

Перестав следить за тараканами, я заварила плоскую расстворимой лапши и чашку чая. После скудного, не очень-то сытного ужина завалилась на скрипучую раскладушку, укрылась дряхлым верблюжьим одеялом и попыталась уснуть при свете лампы, который хоть немного сдерживал тараканий разгул. Сложила руки на груди, как вампир из старого фильма, защищая дремлющий где-то рядом с тревожно колотящимся сердцем сгусток мыслящей энергии. Закрыла глаза и снова увидела летящие навстречу звезды. Надо сказать, они хорошо убаюкали. Мне быстро удалось забыть о крайне подозрительных тараканах и крепко уснуть.

Глава 7. Жених

Лансальд

Похоже, что враги напали на след магистра Ферту. Иначе я не мог объяснить странное... Даже не перемирие, а скорее – резкое прекращение любой активности в военных действиях. Как будто в надежной, эффективной боевой машине возникла неполадка, которую невозможно было спрогнозировать, и потому обслуживающие технические специалисты теперь терялись в догадках, пытаясь выяснить причину, но не могли продвинуться в ремонтном деле хоть на самую малость.

Прошло несколько совещаний военных командиров под председательством самого императора. Велик был соблазн воспользоваться труднообъяснимым замешательством противника, стянуть наш космический флот в контролируемую им звездную систему Олмойо. Диркенам она служила главным оплотом и центром наибольшего скопления планетарных баз. Там целые необитаемые колонизированные миры были напичканы всевозможным оружием. Мы понимали, что через такой заслон пробиться очень нелегко, а потому не удастся обойтись без больших потерь. Но сама возможность проникнуть в самое сердце вражеского оплота манила и опьяняла, подобно крепкому алверийскому вину из ягод тиркма с добавлением эссенции лепестков розетий.

Сохранять здравомыслие и просчитывать риски. Тщательно проверить, не специально ли враг заманивает нас в ловушку. Таков был итог последнего совещания, после которого ситуация стала представляться со стороны еще менее понятной.

Маленький союзник, на шпионскую помощь которого я надеялся, не передавал новых сигналов. Я начал беспокоиться, а не попался ли он в когти Альтерро. Сам возрожденный риас на неопределенное время отстранился от непосредственного участия в боевых операциях. Покинув диркенский флот, он обосновался на одной из богатейших природными ресурсами планет с комфортными для большинства галактических рас климатическими условиями. Меньше года назад эта планета под названием Катайра носила статус заповедника Алверийской Империи и ее биосистема находилась под особой защитой.

Альтерро занял построенный для императора дворец, поселился там с диркенским боевым взводом и рабынями-наложницами, принадлежащими к разным расам. Как показывали в галактических новостях, на захваченной планете риасийский воин развлекался и объедался. Сутки напролет он проводил в полнейшем бездействии, даже интервью для новостей давал, растянувшись на широкой замшелой ветке тенистого дерева, и чуть не врезал кончиком хвоста по хоботу корреспондента, отгоняя назойливых насекомых. Общегалактические правила, включая относящиеся к сфере этике-

та, словно были придуманы в глубокой древности для всех, кроме этой наглой твари.

Между тем положение нашего народа с каждым новыми галактическими сутками становилось все более бедственным. Одни из прежде заселенных алверами планет после массированных вражеских атак стали непригодны для жизни, на других катастрофически пострадала инфраструктура, а те, что пострадали меньше других, стали последними источниками надежды на наше выживание. Но и этих ресурсов были слишком мало для того, чтобы обеспечить потребности населения и армии. Голод, разруха, потери близких стали спутниками граждан империи, от которых пока, несмотря на все старания, не удавалось избавиться. Император не побоялся вызвать на себя гнев высшей знати, издал указ о конфискации излишков продовольственных запасов у богатой аристократии в пользу простого населения. Следующим его рискованным шагом было склонение зажиточных дельцов к добровольным лишь по документам пожертвованиям на поддержание экономической стабильности, укрепление армии и приобретение новых видов вооружения. Аристократы, конечно, повозмущались в своих кулуарах, но все же большинство из них осознали, что если бы не эти вынужденные меры, они могли бы остаться не только без части накопленных средств, но и лишиться жизни. К тому времени уже вполне реальной представлялась угроза народных восстаний. А случись революция, их поместья были бы разгромлены и раз-

граблены в считанные мгновения. Но такого просто нельзя было допустить. Единство народа, пусть и отчасти принудительное, это то, на чем еще держится империя.

Из всей малополезной информации, которая поступила из разведывательных источников за короткий срок в редком изобилии, я выделил одну странность. На фоне прочих едва заметную, но, по моему предположению, самую важную. Первый советник главнокомандующего Альтерро, диркенский командор Ишейрел Олкесси пропал из видимости. Я подозревал, что приближенный риасийского вождя тайно вылетел с Катайры и отправился на поиски магистра Ферту. Успешно себя зарекомендовавшему за годы войны командору верховный правитель диркенов Тороиак и наемник Альтерро вполне могли доверить важнейшую миссию. К тому же Ишейрел держал при себе тарамийскую гончую, обладающую тонким энергетическим чутьем. Неутомимая в поиске добычи зверюга была способна почуять Хранителя Ключа среди обычных существ любой расы.

Устав ждать новых сообщений от разведывательной сети, которую пока удавалось сохранить лишь на дальних рубежах, я спустился в каюту. Сразу за раздвижной дверью меня встретила решительно настроенная летающая самонаводящаяся бритва. Условным космическим утром я сумел от нее отбиться, и теперь она с удвоенной яростью от просрочки процедуры вцепилась в мою щетину.

Дверь приглушенно скрипнула, вновь привлекая мое вни-

мание и заставляя нервно дернуться. Я резко повернул голову, и щеку словно ужалило насекомое. Бритва оставила глубокий порез. Вошел робот-компаньон. Старая простенькая модель, по пропорциям напоминающая алверийского подростка и потому легкая для восприятия подсознанием.

– Напоминаю вам о времени приема пищи, адмирал, – проскрипел робот. – Что изволите откусать на ужин, ваше благородное высокопревосходительство?

– А разве у меня широкий выбор? – мне хотелось оттеснить ладонью бритву, пиявкой вцепившуюся в кожу шеи под подбородком, но я понимал, что это риск сродни атаки одиночного истребителя на крейсер противника.

– Гранулы, брикеты или колбаски предлагаются на ваше усмотрение, – на металлическом лице робота зажглась электронная учтивая улыбка.

Колбаски только звучали аппетитно. В реальности имели мало общего с вкусной копченой колбасой из натурального мяса, которую я очень любил. Сделанные из невкусного жмыха, они по виду напоминали навоз желторогого маледа. Брикеты выглядели и пахли немногим приличнее. Гранулы из всего прочего считались лучшей едой, к тому же их можно было замачивать в молоке, потому я, как обычно, предпочел первый из предложенных вариантов.

– Принеси мне гранулы и молоко, – попросил я робота, и металлический помощник удалился.

Бритва закончила свою работу и вернулась в подставку

на полке. Я откинул прикрепленный к стене стол, присел за него в мягкое кресло с низкой спинкой. Провел пальцем по царапине, на нем осталась свежая капля крови.

Мои способности к восстановлению снижались с каждым днем. Еще недавно мелкие ранки зарастали мгновенно, и довольно серьезные ранения проходили меньше, чем за усредненные галактические сутки, пусть и в капсуле ускорения регенерации.

Сказывались скудное питание, хронический недосып и постоянная взвинченность нервов. Я жил, точнее – существовал на пределе возможностей. Друзья советовали отдохнуть, выделить хотя бы одни сутки из бесконечной круговерти, но при том и сами почти не отдыхали.

Робот принес пластиковую миску с плавающими в молоке гранулами сухого корма. Несколько лет назад, несмотря на вездесущую агрессивную рекламу, далеко не каждый из алверийских аристократов соглашался кормить чем-то подобным своих домашних животных, считая натуральную пищу вкусней и полезней. Настали дни, когда прессованными гранулами и брикетами приходилось питаться нам самим вдали от пушистых любимцев, оставшихся на материнской планете нашей расы.

– Открыт последний контейнер с гранулами на основе злаковых культур для командного состава, содержащими тридцать процентов мяса и двадцать процентов овощей, – отчитался робот. – Гранулы для рядовых бойцов, содержащие

пятнадцать процентов мяса и пять процентов овощей, тоже скоро закончатся. Остатки сухого молока лакотерии я приберег для вас, адмирал. Знаю, как вы любите это питательное для органических особей вещество.

– Благодарю за твою заботу, КОЙШ Ноль Девять.

Робот поклонился и ушел. Похрустывая драгоценными гранулами, я уличил себя в невольной зависти Альтерро, который питается стопроцентным мясом и сочными сладкими фруктами.

Выбор для нашего народа невелик – вернуться к развитию пищевой промышленности и выращиванию скота в искусственной среде, или продолжать вкладывать оставшиеся бюджетные средства в военную отрасль. Без нового вооружения мясо и овощи нам не понадобятся, ибо их станет некому есть.

Не успел я закончить условно вкусную трапезу, как и в моем коммуникаторе, и в корабельной системе оповещения зазвучал громкий, неприятный для слуха, сигнал первой важности. На связь с родной Алверии вышел император, мой отец. Я поднялся на мостик, чтобы мы могли видеть друг друга в рост на проекции голографического транслятора.

Высокий, тренированный и статный, коротко подстриженный, с легкой проседью в прямоугольной густой бороде, повелитель Алверийской Империи предстал передо мной. На нем сияли в свете дворцовых люстр белый парадный китель с лампасами и высокие лакированные сапоги.

– Рад тебя приветствовать сын, – отчеканил император как на публичном выступлении гулко, с короткими паузами между словами. – К сожалению, пока мы не можем похвастаться большими успехами на военном поприще. Но жизнь народа продолжается. Годичный круг отсчета близится к завершению и по старинному обычаю в день Великого Трехлуния в главном дворце пройдет грандиозный бал.

– Прости, отец. Я не порадую светское общество своим присутствием на балу. Мне нужно продолжать нести космическое дежурство.

Нервно проведя рукой по волосам, я осознал, что выгляжу растрепанным не по уставу после маленького сражения, проигранного летающей бритве. Почему не сообразил собрать волосы под резинку, прежде чем подняться на мостик? По той же причине, которая замедляет регенерацию. Хроническая усталость разума, тела, пока еще не духа, но надолго ли?

– Ланс, послушай меня, – отец сурово нахмурился. – Ты не просто прилетишь на бал как почетный гость, а выступишь в разгар торжества перед народом и представишь свою невесту. По традиции наследник престола обязан жениться до тридцати лет. Считай императорским приказом, до праздника ты выберешь девушку из алверийского высшего аристократического рода. Не наемницу чужих или смешанных кровей, не простонародную воительницу из числа твоих пилотов. Только носительницу лучшего генетического наследия.

– Не сочти за дерзость перечить твоему величеству, –

уклончиво ответил я. — Но и ты пойми. Я не готов к балам и свадьбе. Прошло не так много времени с гибели Киллarii. Лучше вы с мамой попытайтесь выдать замуж Лиссу. Моей сестре брак пойдет на пользу. Возможно, даже спасет ей жизнь, уведет подальше от эпицентра сражений, куда она рвется наравне со мной. Я останусь на войне до конца. Это мой долг, не только как члена правящей семьи и твоего наследника, но и как гражданина этой великой империи. Отец, я не могу позволить себе уйти в столь суровый час, когда враги вот-вот заполучат Ключ... Если это произойдет... Нет! Лучше замуж выдай Лиссандру, чем меня жени.

— С Лиссандрой проведу отдельную беседу, — отец был, как всегда, непреклонен. — Да, я понимаю твою горе, но жизнь продолжается, и мы боремся за нее из последних сил. Война не помешала вражескому правителю обзавестись двумя тысячами наследников. А мы с Мелвирой не можем дождаться внука или внучки. Память твоей погибшей невесты достойно почтил алверийский народ. В честь ее подвига воздвигнут монумент на Триумфальной Площади и высажены клумбы с белыми розетиями. Помню, Киллария любила эти цветы... Ланс, тебе пора перевернуть страницу прошлого и думать о будущем. Как верховный главнокомандующий, приказываю тебе жениться, но исключительно на скромной благонадежной аристократке, которая и помыслить не смеет о подвигах и самопожертвовании. Она будет ждать тебя в тихом поместье, воспитывая детей. Для Лиссы я при-

смотрел солидного господина из ведущих промышленников. Мой приказ не подлежит оспариванию и обязателен к исполнению.

Отец прервал сеанс связи, не дав мне возможности высказать свое мнение, которое он и так прекрасно знал.

У меня вызывали отвращение капризные неженки, считающие, что все вокруг обязаны исполнять их глупые прихоти. Не в той среде я возмужал, чтобы согласиться провести хоть усредненные сутки рядом с пустоголовой красоткой. Как сказал отец... Они сидели... нет, отсиживались в тихих уютных поместьях, вдали от перекрестного огня, пока другие гибли, защищая их никчемные жизни, проводимые в праздности и сплетнях.

Я сильно сомневался и в том, что Лисса согласится на свидание с господином, который наложит полные штаны, столкнувшись лицом к лицу с врагом. Моя сестра – мой самый верный союзник и надежный воин, которому я доверю защищать собственную спину. В детстве мы много времени проводили в ангаре космических кораблей, вникая, что и как устроено, грезил настоящими полетами. А еще любили мастерить маленьких роботов. Ланс и Лисс... Мы играли, словно два мальчишки. Я привык видеть сестру в испачканном машинной смазкой комбинезоне, и потому так удивительно было смотреть, как совсем еще юная Лисса в день ее рождения спускается в пышном розовом платье по дворцовой позолоченной лестнице. Родители тогда нарядили ее как прин-

цессу для первого выхода в светское общество. А потом началась война... Очередной ее этап.

Лисса уговорила дочь служанки поменяться с ней идентификационными микрочипами, не последнюю роль в авантюре сыграл их общий друг – юный компьютерный гений. Сбежав из дворца, моя сестра поступила в военно-космическую академию, и дальше мы продолжили боевой путь вместе. Родители сделали несколько слабых попыток вернуть в гнездо вылетевших птенцов, но уступили древней традиции, согласно которой дети аристократов должны проходить обучение в военных учреждениях, о чем, не сомневаюсь, они пожалели не раз. Отец и сам много воевал, и титул главнокомандующего носил заслуженно. Я мог понять его страх потерять птенцов, остаться без потомков, но был не готов отдать себя на растерзание светскому обществу.

Те, кого нам с Лиссой родители прочили в супруги – жалкие трусы, пренебрегающие честной традицией, считающие, что за них есть кому сражаться и не подумывающие о том, чтобы записаться в добровольцы и пойти воевать... Они не понимали, или не хотели задумываться о том, что ряды героев тают, пополнять их нечем, и если так продолжится, придет их черед встретиться с безжалостным врагом, для которого их мольба о пощаде ничего не будет значить, от которого не спрячешься в дорогом убежище. Он почует сквозь самые прочные стены и вытащит наружу, как пугливого беспомощного зверька.

Лиссандра дослужилась до звания вице-адмирала, но, по словам нашей матери, она станет уважаемой в обществе женщиной только после выгодного брака и рождения ребенка. По мнению самой Лиссы, произвести на свет потомство – нехитрая задача, на выполнение которой у нее пока нет времени, да и на ее взгляд, трудно считать великим достижением то, что предусмотрено самой природой, а не является следствием личностного развития.

Я улыбнулся, представив очередное к ней сватовство. Уже если bravому пилоту не удалось укротить эту рыжую комету, вряд ли солидный господин может рассчитывать на успех. Я больше верил в то, что изнеженный аристократ убежит от моей привыкшей к роли довольно жесткого командира сестры, сверкая пятками, как не раз бывало. Лисса младше на год, так что и ее, и меня, мечтающие о внуках родители так просто не оставят в покое.

Моя ныне покойная возлюбленная Киллария принадлежала к благородному семейству, но для нее совесть и честь были превыше светского лоска. Она пошла на войну, и познакомились мы не на пышном приеме, а на корабельном праздновании маленькой, но стратегически значимой победы. Несколько лет продлилось наше счастье, и на предстоящем празднике Великого Трехлуния назвал бы я ее своей избранницей и будущей женой, если бы не... Для алверийского народа ее поступок был великим подвигом, достойным увековечения в легендах. Но с точки зрения любящего муж-

чины она решилась на непростительное безрассудство.

Небольшой боевой корабль под ее командованием угодил в магнитно-импульсную ловчую сеть вражеского крейсера. Система управления вышла из строя. Килла отпустила команду, приказав эвакуироваться на спасательном челноке, а сама каким-то невообразимым чудом смогла вновь завести двигатель, переведя корабль на ручное управление. Нацелившись на центральный гипердвигатель, она протаранила крейсер противника. Уничтожила важную боевую единицу врага.

Я понимал, что на ее месте поступил бы точно так же, но до сих пор не мог смириться с потерей. Килла любила белые розетии, говорила, что эти прекрасные цветы похожи на сияющие звезды в темном ночном небе. Я дарил ей пышные букеты, когда мы возвращались на родную планету.

Вспоминают ли о ее подвиге жалкие высокородные трусики, когда прогуливаются по аллее и видят клумбы с белыми розетиями? Вот не уверен. Скорее всего, они скажут: “Как красиво” и тут же вернутся к обсуждению свежих сплетен. Избалованным глупышкам нет дела до того, кто погиб, защищая их никчемные жизни. Поэтому я принципиально не хочу иметь ничего общего с жительницами тихих поместий и не стремлюсь становиться героем светской хроники.

Второй раз пережить подобное я бы просто не смог, и так все это тяжелым грузом лежало на сердце. Так что ни о какой свадьбе, невесте и прочем речи в столь беспокойное время и

быть не могло. Так и не смирившись со словами отца, я пошел обратно в каюту, но на пути неожиданно возникла Ниана. Преградила мне узкий проход к лестнице.

– Приглашение на бал, – Ниана кокетливо улыбнулась, расширив карие глаза и склонив голову к плечу. Прежде не замечал за ней манер, свойственных светским особам, хоть она и принадлежала к одному из старейших аристократических родов. – Помнишь, Ланс, мы так и не дождались выпускного бала в академии.

– Его отменили из-за битвы при Лэст-Аркосе.

Я замешкался. Женские знаки внимания в последнее время обычно проходили мимо моих глаз. Да и, напрягая усталый мозг, не смог я припомнить чувственных намеков Нианы. Сильная, отважная, порой даже слишком упрямая, она была рядом как друг и помощник. Мы говорили по существу, то есть о делах военных и государственных, но не о светских приемах и личных отношениях.

Прислушавшись к себе, я убедился, что не испытываю любовного притяжения к Ниане, подобного тому, которое однажды накрепко привязало меня к Килле. Однако из всех вероятных кандидаток в невесты, Ниана представлялась наиболее достойной.

Странно... я раньше не замечал ее чувств ко мне. Я решил пригласить Ниану на праздничный бал, стал собираться с мыслями, как бы сказать об этом красиво и не слишком сухо, вопреки той бессвязной ерунде, что первоначально

приходила на ум, и вдруг мою правую руку сильно потрянуло. Вместо слабого вибросигнала передатчик выпустил болезненный разряд.

“Толстяк нашел ключ на Земле. Р.Э.К.Ш.С.П.В.” Прочитав сообщение, я помчался на мостик. Планета Земля, населенная слаборазвитой цивилизацией, контакты с которой запрещены на межгалактическом уровне... Как далеко занесло Магистра Ферту! Старый мудрец рассчитывал, что сможет надежно спрятать Ключ на планете, которая на звездной карте обозначена красной меткой “Нежелательна для посещения, недоступна для туризма”. Диркенский командор сумел выследить Магистра. Мы должны спешить.

Для полета к Земле нужно подготовить не лучшим образом защищенный, но быстрый и легкий корабль-прыгун, способный быстрее других рассекать гиперпространство и самостоятельно открывать туннели.

Рафинель Элкрах Керимионит Шнотоици Сто Первый Великолепный. Я расшифровал подпись шпиона. Да, это он – мой маленький, но удивительно храбрый друг.

Глава 8. Похищение

Снежана

Люди не напрасно говорят о добрых чудесах, которые приходят к нуждающимся в преддверии Нового Года. Я так старалась спасти маму, уже почти потеряла надежду на то, что смогу собрать большую сумму денег за короткий срок, и вдруг жизненные обстоятельства одно за другим начали складываться в пользу нашей маленькой семьи. Хозяйка пекарни порадовала праздничной премией.

Гарри Погосян расщедрился, к моему огромному изумлению, не захотел больше мучить клубными испытаниями на прочность мою врожденную скромность и крепость нервных струн, и выделил недостающие на операцию средства в качестве благотворительности. С хвастливым отчетом для прессы, но лучше так, чем никак.

Знаменитый доктор принял маму в платной клинике как важную персону. Операция прошла успешно, но еще почти месяц ей следовало провести в стационаре, посещать восстановительные и укрепляющие процедуры. Я не сомневалась, что самое страшное позади. Удивительный дар магистра из далекого космоса не доставлял беспокойства. Тараканы, живущие на кухне в съемной квартире, на меня не покушались.

Я даже начала подумывать, а что если это действительно был плод моего воображения? Кто знает, вдруг в приват-

ных кабинках клуба “Стазис” тайно распылялись галлюциногенные вещества, действующие на клиентов. И в реальности странный старичок был не рогатым пришельцем из космоса, а самым обычным мошенником или воришкой.

Жизнь вошла в тихое спокойное русло. Ничто не предвещало новых приключений и ужасных потрясений. Утро тридцать первого декабря для меня началось с вдохновляющей суеты. Надежда Ивановна велела всем сотрудникам прийти на работу часом раньше обычного, чтобы собрать и красиво упаковать подарочные наборы для сирот из детского дома.

Завязывая пленочную упаковку каждого подарка, я в счастливом волнении вспоминала, как делала шоколадное печенье, молочные бисквиты и пряники с клубничным вареньем, думая о том, до чего же приятно будет передать дальше по жизненной цепочке искорку добра, поделиться чудом с детьми, которым не хватает родительской любви.

Сдобные сладости, шоколадки, конфеты и маленькие мягкие игрушки в ярких свертках мы дружно уложили в коробки и загрузили в кузов “Газели”, на котором красовалась реклама пекарни.

Надежда Ивановна пригласила меня поехать с ней, ее дочкой Аней и бухгалтером на темно-синем джипе “Мицубиси”, еще четверых сотрудниц повезла на красном “Ситроене” главный кондитер, а водитель Леня повел грузовичок следом. Так наша делегация отправилась поздравлять сирот с

наступающим Новым Годом и вручать подарки от пекарни.

Детский дом находился в подмосковном лесопарке. За шлагбаум пропустили только легковые машины, на грузовик требовался особый пропуск.

Надежда Ивановна пошла договариваться с директором. Аня и дамы-сотрудницы разбрелись по красивому заснеженному саду, а меня потянуло в лес. Соскучилась я по лесным прогулкам. Увидела нарядных розовых соек, перелетающих с дерева на дерево. Идя за ними, незаметно углубилась в лес. Найдя высокую рябину, сойки принялись клевать замерзшие ягоды.

Я любовалась красивыми птицами, и вдруг услышала тихое рычание. В испуге оглянулась, подумав, что сорвалась с цепи кавказская овчарка, которая грозно нас облаивала у будки рядом с пунктом охраны.

Чудовищная короткомордая тварюга ростом повыше той овчарки, только не меховая, а полностью лысая, приближалась ко мне, скаля черные острые зубы. Как она только не замерзла на морозе? По виду ее темно-синяя шкура была толстой, как у носорога. Лоб состоял из двух округлых наростов, между ними над губами трепетала единственная треугольная ноздря, а сбоку головы под каждым из этих выступов сверкал яростным блеском маленький темный глаз. На холке топорщилось что-то похожее на приподнятый кожистый воротник.

Ну вот, стоило мне порадоваться невероятным чудесам,

как стало совсем невесело. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела – любила говорить моя мама. Без успокаивающего влияния живого Ключа, который все же оказался реальным, я бы, наверное, тут же померла со страху или тронулась умом. В голове стайками несвязных тараканов бегали мысли и не могли окончательно сформироваться. Магистр предупреждал, что злодеи начнут охоту на Хранителя и будут пользоваться всевозможными ухищрениями, лишь бы поймать его. Да, нечего сказать, удружил дедуля. Как он сам тысячу лет продержался и не сошел с ума? Или это я уже рассталась со своим рассудком? Хоть бы на прощание магистр поделился секретом выживания в экстремальных условиях.

Внутри меня словно все сжалось в маленький тугой комочек. Мысли куда-то окончательно разбежались, словно пугливые зайчата от голодного волка. В ушах зашумело, в висках ощутимо стучали нервное напряжение и паника. Сердце, казалось, вот-вот разорвется от дикого ужаса. Отойдя от шокового оцепенения, я медленно попятилась к большой сосне и не смогла даже сделать вдох, легкие словно тугими веревками обвило.

Только подумала, как бы залезть на дерево, и тут к жуткой длинноногой псине подошел хозяин – высокий толстый мужик в сияющих доспехах вроде рыцарских, но складнее подогнанных к телу и без острых углов. Паника уже не просто билась где-то рядом в конвульсиях, я стала ей. Нервные окончания взорвались и теперь пульсировали, превра-

щая все мое тело в один обнаженный комок страха.

Что самое ужасное в этой картине, хотя, казалось бы, куда еще поразительнее синей лысой псины с острыми зубами, лицо самого громилы выглядело так, словно ему нос расквасили в уличной драке и на дикую нечеловеческую морду натянули зеленовато-желтую искусственную кожу, по-народному дермантин, “под крокодила” для дамских сумочек низкосортного пошива. Толстяк с искусственной рожей что-то сказал своей ручной собачонке, в смысле: надеюсь, все же это оно. Та ему ответила глухим и хриплым рычанием и кивнула на меня, приподняв переднюю лапу. Мол, я нашла кого просили. Хозяин взял ее на поводок и, грузно переваливаясь, потопал ко мне.

Кое-как собравшись с духом и разбив невидимые оковы собственного оцепенения, я развернулась и на негнущихся от шока ногах побежала в сторону дороги, которая скрывалась за массивными стволами деревьев. Напрасно надеялась, что чувствующийся теплом в груди Ключ придаст мне невероятное для человека ускорение и поможет выбраться из очередной передряги. Ноги утопали в сугробах едва ли не по лодыжку. Ветки, которые не было времени аккуратно убрать с пути, да и не вспоминала я про это, больно ударили по лицу. А гулко стучащее набатом сердце все громче отдавало в ушах переливами похоронного марша.

Выбежав к “Газели”, я вскочила в пустую кабину на водительское место. Порадовалась, обнаружив ключ в замке за-

жигания. С “Жигуленком” справлялась, и грузовичок поведу без проблем. Главное – оторваться от преследователей. Завела мотор, дала по газам и поехала... нет, полетела! Почувствовала, что “Газель” оторвалась от земли, стала подниматься в небо. Двери заклинило, я не могла выскочить из машины.

Подумать только – мой первый в жизни полет. Но, увы, радоваться нечему. Меня вновь с головой накрыла мощная волна паники. Сердце колотилось так быстро и гулко, как будто готовилось разорваться или остановиться от страха. Волшебный Ключ помогал оставаться в сознании, даря теплые приятные ощущения, не позволяя свалиться в шоковый обморок. Без его помощи, думается, меня уже и вовсе к той жуткой минуте могло не быть в живых.

И тут я увидела, как выбежавший из леса шофер Леня бежит, размахивая руками, точно собрался взлететь вслед за своей “Ласточкой”. Грузенная сладостями тяжелая машина легко и быстро поднималась к облакам словно пушинка. Лес остался далеко внизу. Вот и облака пролетели желтоватой ватой, освещенной ярким солнышком.

Машину затянуло в огромный космический корабль. Он был невидим с земли, только когда “Газель” оказалась внутри просторного серого ангара, я поняла, куда попала. Меня похитили на самом настоящем НЛО. Днище корабля закрылось, и “Газель” тряхнуло. Я чуть не ударилась головой о ее крышу, подскочив на водительском кресле.

Постаралась хоть немного успокоиться, насколько это вообще было возможно. Убеждала себя, что надо верить в чудо. Надеяться на лучшее... Снова... Магистр говорил, Ключ заботится о Хранителе. Может, и меня волшебная энергия не оставит в беде? Но что будет с моей дорогой мамочкой? Она же просто не сможет пережить мое исчезновение. Не успела она толком пойти на поправку, и вдруг такой удар... Мое измученное бешеным ритмом сердце больно кольнуло при мысли о самом дорогом мне человеке.

Жуткий толстяк с дермантиновой зеленовато-желтой кожей оказался рядом. Он открыл дверь и вытащил меня, оцепеневшую от страха, за руку из машины. Я смогла получше разглядеть похитителя. На щеках и подбородке у него выделялись крупные чешуйки, голова была лысой как коленка. Вместо ушей – дырки, окантованные кожными складками. Глаза желтые, с тонкими зрачками-полосками, как у змеи или ящерицы.

Его синяя лысая псина подбежала, шумно пыхтя и капая слюной. Он взмахом руки приказал ей сидеть и достал из-за пояса крошечную склянку с выдвижной иглой. Вколол мне какую-то дрянь в шею, от которой я начала терять сознание. Усмехнувшись, он что-то тихо пробубнил себе под приплюснутый нос, я на тот момент не знала диркенского языка и не понимала слов. Намного позже поняла, что злодей тогда сказал:

– Священный властелин будет доволен и... Сыт.

Глава 9. Командир

Снежана

Не знаю, сколько времени я провела без сознания в усыпляющей капсуле, но когда меня оттуда вынули две женщины той же чешуйчатой внешности, что и толстяк в доспехах, я с трудом смогла сделать осторожный шагок. Ноги подкашивались и не слушались, если бы меня не поддерживали с обеих сторон, тут же бы растянулась на полу, подобно лягушке.

Женщины представились работницами медицинской лаборатории. Я сразу же заподозрила, что эти ящерицы уж точно не врачи, которые лечат, а скорее, те, кто калечит, проводя ужасные опыты над живыми существами. На них обеих были серебристые комбинезоны и удобная обувь, похожая на кеды, а я, как назло, уже не впервые готовилась предстать в одном нижнем белье перед незнакомым мужчиной. Какой стыд, даже не представляла, как с этим мириться. Единственное, что немного успокаивало – я не до конца была уверена в том, что это существо мужского пола. Меня вели к некоему священному властелину, должно быть, очередному жирному ящеру – лысому или с шевелюрой, у женщин-таки росли на голове черные волосы. Медработницы объяснили, что меня доставили на главный корабль их военно-космического флота. Я просила вернуть меня на Землю, рассказала о больной маме, которой нужна моя забота. На что эти наг-

лые ящерицы лишь противно зафыркали и они сказали, что сюда по случаю моего прибытия прилетел некий священный господин. Мне предстоит с ним встретиться для важной беседы, и только он может решить мою дальнейшую участь.

– Состояние быстро стабилизируется, – одна из медработниц сказала мне для утешения, или просто подтвердила факт.

Неожиданно для самой себя я прекрасно понимала их речь, а еще знала несколько других языков, включая общегалактический. В мою голову впихнули кучу малу обучающей информации, в которой я неизбежно путалась из-за огромного объема, или же просто земная девичья память не желала принимать в свой уютный подвальчик инопланетные излишки, от которых пока не было никакой пользы. Мне выдали серые сандалии на двух липучках. И на том спасибо. Хоть босиком не топать по железному полу.

Толстяк, которого называли командор Ишейрел, не маячил на виду вместе с его тарамийской гончей. Я видела других диркенов – мужчин и женщин. Воины, технический персонал корабля. Мало чего понимала из гадкого шипения медработниц, кроме того, что ящеры воевали с какими-то другими существами. Еще бы они отказались заполучить ключ от супероружия. Вот только мне совсем не хотелось никому отдавать подарок магистра. Тем более, жутким тварям, явно собирающимся его использовать не в добрых целях. Конечно, может, их враги еще ужаснее, но я надея-

лась, что волшебный Ключ приведет мне и себе на выручку отважных героев, которые спасут от ящеров и вернут домой.

Медленно, но все же я понемногу приходила в норму. Идти смогла сама, без помощи медработниц. Одна из них подтолкнула меня к узкой железной лестнице, похожей на чердачную, и сказала:

– Священный властелин ждет встречи с земной гостьей.

Женщины-ящерицы остались внизу, а я стала подниматься по лестнице. Ноги подгибались в коленях от страха. Пришлось придерживаться за тонкие перила. Поднявшись на палубу корабля, или как оно там называлось, я смутно представляла, но, по сути, оказалась в широком светло-сером зале с огромными окнами, за которыми темнел бескрайний космос.

Наверное, для украшения вдоль серой ковровой дорожки, проложенной посреди зала, стояли кадки с розовым камышом. Я засмотрелась на диковинный камыш и вздрогнула от испуга, услышав хлопок. Будто половой тряпкой хлестнули по дощатому крыльцу, прогоняя чужую скотину с огорода. Только что светлый зал был пуст, и вдруг я увидела в нескольких шагах от меня... Кого? Сразу так и не опишешь. Точно не жирного ящера.

Метра два ростом, не ниже. Стройный, жилистый... Темная кожа, уши с кисточками как у рыси, светящиеся глаза цвета фуксии, темно-красная коса до пояса и длинный хвост, которым он неспешно повивал. По фигуре точно мужик,

но почему его называли священным?

Вопрос интересный. По мне, он ни капельки не походил ни на попа, ни тем паче на светлого ангела в небесных кушачах. А вот на злющего демона – вполне. Только без рогов, крыльев и шерсти. Не на того карикатурного лохматого черта со страшным грязным рылом, какого в церквях малюют на картинах Страшного Суда. А на могущественного темного духа высокого ранга, повелевающего мелкими адскими сошками. Соблазняющего и увлекающего в огненную бездну.

Очертания его лица и тела были вполне человеческими. И уши росли не на макушке, а там же, где у людей, только длинные, заостренные и могли шевелиться.

Основной тон его темной кожи... я не знала, как лучше назвать... серо-фиолетовый или фиолетово-серый. Вспомнилось модное слово “колеровка”. Наши соседи в Больших Улитках ради хвастовства намудрили с покраской забора и говорили, дескать, заграничная эмаль для их штакетника отколерована в розовый с желтым оттенок. Там вот, представшее моему несчастному взору чудо-юдо, можно сказать, отколеровалось еще в материнской утробе или откуда оно там вылупилось, в смесь темно-серого и фиолетового цветов. Поверх основного тона местами шли полосы – темно-красные, издали похожие на застывшую кровь. На лице я их тоже увидела – над бровями и на щеках. Но самыми широкими полосами из всех видимых частей тела выделялся хвост, оканчивающийся пушистой красной кисточкой.

Одежду хвостатый выбрал до неприличия простенькую для властелина, тем более – священного. Вместо мундира, шикарного костюма или расшитой золотом рясы на нем были майка и штаны темно-зеленого “защитного” цвета, к которым прилагался пояс-патронташ, как у охотника. Серые полусапоги на шнуровке тоже словно были куплены в магазине “Охота и рыбалка”.

Его крупные, чуть раскосые глаза внимательно смотрели на меня. Он подошел ближе, двигаясь бесшумно с грацией большой сильной кошки. Под лоснящейся кожей переливались бугорки мускулов. Ухмыльнулся лукавой улыбкой, в которой мелькнул острый клык.

– О, Господи! – вырвалось у меня быстрее, чем я успела сообразить.

Я икнула от страха, не в силах сбежать. Меня словно пригвоздило к камышовым зарослям. Почувствовала себя маленькой беззащитной мышкой, которая забрела опасно далеко от родной норки. Сейчас хвостатый властелин был похож на кота. Породистого, домашнего и холеного, но при этом очень злого. Такой котяра легко победит в уличной драке выросшего в подвале дикаря. А еще, хоть накорми его до отвала сочной вкусной курятиной, а он все равно при случае поймает мышку, чтобы позабавиться с ней и придушить.

– Не бойся, – заговорил он со мной на общегалактическом языке, звучащем благозвучнее диркенского. – Открой мне свое сознание. Позволь заглянуть в твою память, чтобы нам

стало легче понять друг друга.

Не могла я возразить. Да что там говорить, и слова не в состоянии была из себя выдавить... Страх медленно отступал, вопреки здравому смыслу. От хвостатого властелина как будто бы истекали странные флюиды, побуждающие довериться ему, вызывающие необъяснимое и даже немножко порочное влечение. Он в самом деле казался тем самым коварным искусителем, от которого почти невозможно уйти чистой и непорочной.

Вся внутренне сжалась, когда он взял меня под спину, притягивая к себе. Прижал к груди и животу, обвив мои ноги хвостом. На душе полегчало, когда я почувствовала, какой он теплый... Живой. Да, он дышит, и в широкой груди бьется сердце. Не темный дух. Существо из плоти и крови, как и я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.